

Сергей Скорый

Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана

Большой Рыжановский курган (далее — БРК) — усыпальница скифской элиты — расположен в южной части украинской Правобережной Лесостепи, в междууречье Гнилого и Горного Тикича¹, на небольшом расстоянии от северопричерноморской степной зоны.

Раскопками 1887, 1995–97 гг. здесь были обнаружены неограбленные погребения: боковое впускное — молодой женщины (G. Ossowski 1888, s. 4–41; 1888a, s. 1–46), вероятно, представительницы жреческого сословия (С. С. Бессонова 1993, с. 6) и центральное, содержащее останки мужчины (45–50 лет), по-видимому, одного из вождей провинциальных лесостепных областей, вошедших в позднескифское время в состав Степной северопричерноморской Скифии (J. Chochorowski, S. Skoryj 1997, S. 12–13; С. Скорый, Я. Хохоровски 1997, с. 14–15).

Оба покойника сопровождались захоронениями зависимых лиц, очевидно насильственно умерщвленных: в первом случае — девочка-служанка 12–14 лет (J. Chochorowski, V. Grigor'ev, S. Skoryj 1996, s. 256), во втором — конный слуга-охранник 35–40 лет (J. Chochorowski, S. Skoryj, 1997, S. 12), а также многочисленными и разнообразными вещами, в том числе выполненными из драгоценных металлов.

Полная нетронутость погребений — и основного, впускного —, а следовательно всего погребального комплекса, представляет собой уникальное явление в истории исследования захоронений скифской знати и имеет непреходящее значение для изучения различных аспектов скифского общества, в том числе, например, погребальной обрядности скифской аристократии. Разумеется, одним из важнейших вопросов, на которые необходимо дать объективный ответ, является вопрос об абсолютных датах захоронений, хронологических позициях кургана в целом, его месте в контексте погребений скифской элиты Северного Причерноморья.

Прежде, чем переходить к рассмотрению данного вопроса, следует подчеркнуть чрезвычайно важное обстоятельство. Стратиграфические наблюдения,

сделанные при изучении насыпи кургана в процессе его раскопок 1995–97 гг. (в частности, изучение центрального профиля памятника), неоспоримо свидетельствуют, что между осуществлением захоронения в центральной (основной) и боковой (впускной) могилах прошел крайне незначительный срок, примерно 3–4 года, т.к. на основной насыпи кургана к моменту сооружения досыпки (после погребения женщины) не успел образоваться дерновый слой. (J. Chochorowski, V. Grigor'ev, S. Skoryj 1996, s. 257). Данные стратиграфии подтверждаются и рядом вещей, абсолютно идентичных или весьма близких по внешнему виду, входящих в состав погребального инвентаря обоих захоронений (например, бронзовые ситеулы, чаши², серебряные кубки и килики, чернолаковые канфары). Иными словами, эти погребения можно считать археологически синхронными.

Данный факт имеет особое значение, поскольку в составе инвентаря женского захоронения обнаружены предметы, абсолютная дата которых определяется достаточно конкретно по сравнению с иными находками.

Поскольку материалы бокового женского погребения были введены в науку Годфридом Оссовским уже в 1888 г. и через некоторое время были переизданы в российских археологических изданиях (А. Бобринский 1894, с. 138–147, табл. XV–XIX; Д. Я. Самоквасов, 1908, с. 71–82), став достоянием широкой археологической общественности, вопрос о дате указанной могилы начал обсуждаться достаточно активно с момента публикации памятника и, к слову сказать, не потерял своей актуальности и ныне.

За время, прошедшее с момента публикации комплекса бокового женского погребения из БРК, оформился довольно широкий спектр мнений о его дате. Сразу следует оговориться, что для большинства исследователей, затрагивающих или рассматривающих этот вопрос, одним из основных хронологических реперов являлись 2 перстня, щитками которых послужили золотые пантиканейские статеры

¹ В 6 км к югу от с. Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской обл., на высоком водораздельном плато.

² Складывается вполне определенное впечатление, что посуда, в частности бронзовая, составляла один сервис, который вошел в состав инвентаря обеих погребений.

— и это вполне понятно —, ибо в данном случае имел место факт, крайне редко встречающийся в скифских погребальных памятниках, когда абсолютная дата вещей определяется достаточно конкретно. Как известно, третий, аналогичный перстень был обнаружен сотрудниками Украинско-Польской археологической экспедиции в 1995 г. при доисследовании боковой могилы (J. Chochorowski, V. Grigor'ev, S. Skoguj 1996, s. 248, foto 4, s. 255,rys. 11). К слову сказать, помимо указанной могилы, подобный перстень был найден еще лишь один раз, в 1976 г. в погребении 4 кургана 92 у с. Марьевка на Днепропетровщине (С. Скорый, Я. Хохоровски, В. Григорьев 1996, с. 27).

Итак, какими же мы располагаем мнениями о дате женского впускного погребения БРК?

Г. Оссовски в 1888 г. датировал погребение по монетам, служащим щитками перстней, в периоде между 650–480 гг. до н.э., указывая на то, что эти пантикопейские монеты чеканены „еще в то время, когда Пантикопея была автономной колонией и чеканила монеты со своими символическими знаками” (G. Ossowski 1888, s. 21). Однако, в этом же году А. М. Подшивалов, член Московского археологического общества, при рассмотрении реферата Г. Оссовского и рисунков вещей из погребения (они были представлены в МАО при избрании Г. Оссовского его член-корреспондентом), указал на ошибку Г. Оссовского в определении времени захоронения и предложил иную дату — IV–III вв. до н.э., хотя никак не аргументировал свои позиции (Труды МАО 1889, с. 63–64, протокол 312, пункт 4, с. 71, протокол 314, пункт 2). Э. Х. Миннз был склонен датировать погребение III в. до н.э., указывая, что дата пантикопейских монет — „...между 350–320 гг. до н.э.”, но бронзовая ситула, вероятнее всего — III в. до н.э. Исследователь первым отметил близость отдельных вещей из боковой могилы (например, украшений головного убора в виде танцующих менад) с найденными в Деевом кургане (E. H. Minns 1913, pp. 177–180).

К позднескифскому периоду (т.е. III–II вв. до н.э., по предложенной им периодизации) относил БРК А. А. Спицын, отмечая, что дата золотых перстней с боспорскими монетами — IV–III вв. до н.э. (1918, с. 116).

М. И. Ростовцев не сомневался в хронологии бокового погребения и БРК в целом: „Дата Рыжановского кургана... не подлежит никакому сомнению: она определяется вделанными в кольца пантикопейскими золотыми статерами IV в. до н.э.” Вслед за Э. Х. Миннзом, исследователь указывал на близость БРК с Деевым курганом, а также отмечал, что сходные серьги-подвески найдены, помимо Деева, кургана, в Чертомлыке (М. И. Ростовцев 1925, с. 486). Следует отметить, что М. И. Ростовцев подчеркивал тот факт, что изображение на одном из перстней-печаток весьма напоминает реверс гераклейских монет с головой Геракла на аверсе (на ней изображены лук, палица и внизу надпись НРА) (1925, с. 486).

Позже П. Д. Либеров датировал женское погребение из БРК концом IV в. до н.э. Основания: боспорский золотой статер конца IV в. до н.э., а также женский головной убор, сходный с такими же уборами из

курганов Деева и Чертомлыка (П. Д. Либеров, 1954, с. 161).

Д. Б. Шелов подчеркивал, что вещевой комплекс рижановского погребения „...не позволяет датировать курган временем более поздним, чем IV или самое начало III в. до н.э.” При этом исследователь указывал, что амфоры из Рыжановки³ „...совершенно идентичны амфорам из кургана Солоха”. Д. Б. Шелов полагал, что между чеканкой боспорских статеров и их использованием в качестве щитков перстней прошел небольшой срок (1956, с. 140). Самы же монеты относятся к поздней (IV-ой по его типологии) серии, время изготовления которой датируется 330–315 гг. до н.э. (Д. Б. Шелов 1956, с. 93, 95).

Н. А. Онайко определила дату бокового погребения 2-ой половиной IV в. до н.э. Основания: амфора типа Солоха-1 (IV в. до н.э.), чернолаковый канфар (не позже начала последней четверти IV в. до н.э.), бронзовая ситула и чаша (IV в. до н.э.), перстни со статерами 340–315 гг. до н.э., перстни-печатки (Н. А. Онайко 1962, с. 66, 69, 74–75; 1970, с. 58, 94).

В своде позднескифских памятников Правобережья Среднего Поднепровья В. Г. Петренко отнесла рижановское захоронение (принимая датировки, предложенные М. И. Ростовцевым, А. А. Спицыным, Н. А. Онайко) к IV в. до н.э. (1967, с. 95).

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин датировали впускное захоронение БРК, ориентируясь на золотые пантикопейские статеры, «вправленные в перстни», серединой или 2-ой половиной IV в. до н.э. (1971, с. 88; 1983 с. 254).

А. И. Мелюкова, не рассматривая самого вопроса о дате рижановской женской могилы, отмечала, что найденный в ней серебряный кубок принадлежит, наряду с сосудами из Солохи, к числу наиболее ранних из известных подобных сосудов в Северном Причерноморье (около середины IV в. до н.э.). В целом же, по мнению исследовательницы, такие серебряные кубки появляются около середины IV в. до н.э., и бытуют до начала — середины III в. до н.э., (А. И. Мелюкова 1979, с. 97–98, 188).

М. Мильчарек, посвятивший нумизматический этюд золотым перстням с пантикопейскими статерами, найденными в боковом погребении БРК, склонен был, вслед за Д. Б. Шеловым, датировать упомянутые монеты временем позже 330 г. до н.э. (1986, p. 102).

Из современных исследователей к вопросу об абсолютной дате женского захоронения БРК, пожалуй, наиболее обстоятельно подошел А. Ю. Алексеев в ряде работ, касающихся хронологии скифских степных древностей и памятников скифской элиты в частности. Исследователь определяет ее ныне 330–300 гг. до н.э., т. е. относит упомянутое захоронение к наиболее поздней группе погребальных памятников скифской аристократии (по его классификации — группа Г), куда он также включает Александрополь, Краснокутский курган, Огуз (позднейшие комплексы), Деев (впускное захоронение), Шульговку (впускное), Лемешев(?), Денисову Могилу, Верхний Рогачик (впускное), Желтокаменку (впускное), Бабину Могилу,

³ Эта ошибка Д. Б. Шелова: в погребении была найдена одна амфора.

Каменскую Близницу (А. Ю. Алексеев 1992, с.154–157; 1996, с. 45).

Однако, при этом, А. Ю. Алексеев отмечал возможность отнесения каких-либо памятников указанной группы и «... к первым годам III в. до н.э., поскольку 300 г. до н.э. — барьер заведомо условный» (1992, с. 157; 1996, с. 45). К таким памятникам, по мнению исследователя, вероятно, можно отнести Каменскую Близницу (А. Ю. Алексеев 1992, с. 157)⁴.

Основаниями для отнесения рыжановской впускной могилы к 330–300 гг. до н.э., являются, как полагает А. Ю. Алексеев, присутствующие в составе инвентаря следующие вещи: 1) золотые ажурные крестовидной формы аппликации, известные только в памятниках последних десятилетий IV в. до н.э. (примеры — 8-ой Пятибратний курган, Александровополь, гробница „а“ Большой Близницы) (1987, с. 38); 2) бронзовая ситула, которая по имеющимся аналогиям может быть отнесена ко 2-ой половине IV в. до н.э. (1987а, с. 45; 1992, с. 155); как мы увидим далее, подобные сосуды известны и в более раннее время; 3) серебряные круглодонный кубок и килик (имеются аналогии в 1-ом Волковецком кургане, Чмыревой Могиле, 8-ом Пятибратнем кургане и др.); 4) керамические изделия (канфар, чашечка, флакон), датирующиеся 2-ой половиной IV в. до н.э., (здесь А. Ю. Алексеев полностью принимает датировки, предложенные в свое время Н. А. Онайко) (1992, с. 155); 5) амфора типа Солоха-1, которая „по пропорциям“ также может быть отнесена ко 2-ой половине IV в. до н.э. (1992, с. 155); 6) один из золотых перстней-печаток, на щитке которого изображены лук, палица и меч, пересеченный перуном(?), что соответствует символам на реверсах монет Филиппа II (или „что, вероятнее, Александра III“, 336–323 гг. до н.э.) (А. Ю. Алексеев, 1992, с. 155; 1996, с. 45); и наконец 7) щитки двух перстней в виде золотых боспорских статеров, которые, исходя из изображений и размеров, чеканились, по Д. Б. Шелову, в 330–315 гг. до н.э. (1992, с. 155).

Весьма важно, как мы увидим далее, замечание А. Ю. Алексеева о том, что канфар из погребения был долгое время в употреблении, о чем свидетельствуют следы ремонта и потертостей на нем (1987, с. 32; 1992, с. 155). Сказанное в равной степени относится и к перстням, в качестве щитков которых использованы пантикопейские статеры. Их лицевая сторона сильно стерта, на одном из них, по наблюдению М. Мильчарека (1986, р. 103), — следы ремонта.

Как уже отмечалось ранее, в ходе доисследования впускного женского погребения БРК в 1995 г. был обнаружен третий перстень, щитком для которого послужил золотой боспорский статер. По степени сохранности он положительно отличается от двух обнаруженных ранее перстней. Характер изображения на лицевой стороне монеты — аверсе (голова бородатого сатира в плющевом венке влево) позволяет считать, что данная монета принадлежит к иной эмиссии статеров, чем те, которые использованы в качестве щитков для перстней, обнаруженных в 1887 г. Она может быть отнесена к поздней группе пантикопейских статеров, время чеканки которых, по В. А. Анохину, — 314–294 гг. до н.э. (В. А. Анохин, 1986, с. 140, № 109, с. 141, №№ 115–116; С. Скорый, Я. Хоровски, В. Григорьев, 1996, с. 27; J. Chochorowski, V. Grigor'ev, S. Skoryj, 1996, с. 257)⁵.

Разумеется, этот факт весьма важен и показателен для определения абсолютной даты впускного захоронения. Тем не менее, мы считаем необходимым остановиться более подробно на вещах, составляющих погребальный инвентарь знатной скифянки из БРК, тем более, что мы имели возможность непосредственно изучать все сохранившиеся находки, которые хранятся ныне в собрании Краковского археологического музея. Нет нужды приводить их описание: это достаточно обстоятельно сделал в свое время Г. Оссовски. Более важно обратить внимание на те моменты, которые выпали из поля зрения упомянутого исследователя, а главное — рассмотреть аналогии данным вещам⁶.

БОКОВАЯ (ЖЕНСКАЯ) МОГИЛА

А) ИНВЕНТАРЬ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗНАТНОЙ СКИФЯНКИ

Л Золотые украшения парадного головного убора — калафа

I. 1. Метопида (налобная лента). Несомненно, наиболее близкой аналогией ей является фрагментированная метопида из впускного (женского) захоронения Деева кургана (Отчёт, 1900, с. 31, рис. 96; О. Лесков 1974, с. 113, рис. 100), относимого А. Ю.

Алексеевым ко времени около 300 г. до н.э. (1992, с. 156)⁷. На ней также изображены гиппокампы, стилизованные головы хищных птиц и элементы растительного орнамента, хотя в некоторых деталях она отличается от рыжановской метопиды.

I. 2. Детали стленги (дугобразной составной пластины со срезанным верхним краем, образующей верхний ряд украшений калафа). Украшены растительным орнаментом, в частности побегами аканфа

⁵ А. Н. Зограф чеканку подобных монет на Боспоре относил к 325–300 гг. до н.э. (1951, табл. XL, 10–11).

⁶ В отдельных случаях при приведении аналогий вещам из женского погребения даются также аналогии для подобных находок из центральной могилы, с целью избежания повторов.

⁷ Далее даты курганов скифской знати даны в основном по хронологии, предложенной для них А. Ю. Алексеевым.

⁴ Примечательно, что ранее исследователь большинство из упомянутых памятников датировал в более широких хронологических рамках, допуская, что в ряде случаев они относятся к концу IV — началу III вв. до н.э. См.: (А. Ю. Алексеев 1984, с. 74).

и цветами, напоминающими колокольчики. Прямая аналогия содержится во впускной могиле Деева кургана, где стленгида сохранилась полностью (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, Kat. 135). Детали аналогичной стленгиды найдены также в гробнице Мелитопольского кургана (330–315 гг. до н.э.) (А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, 1988, с. 89, рис. 95, 14–26).

I. 3. Узкая пластинка-стойка с крючками, к которым крепились желудеподобные подвески (нижняя окантовка головного убора). Сходные детали головного убора обнаружены в ряде курганов скифской знати IV в. до н.э., например, в Чертомлыке (330–300 гг. до н.э.), хотя подвески здесь отличаются в деталях от рыжановских (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле, 1991, с. 194, кат. 113, с. 202–203, кат. 122, с. 206–207, кат. 128, с. 210–211, кат. 136), Куль-Обе (340–320 гг. до н.э.) (М. И. Артамонов, 1966, с. 199), Деевом кургане (подвески в деталях также отличны от рыжановских) (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch 1986, Kat. 135). Абсолютно аналогичные подвески зафиксированы в гробнице Мелитопольского кургана (А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, 1988, с. 191, рис. 98, 15).

I. 4. Ободки с желудеподобными подвесками (детали нижней части калафа, верхней). Также, как и упомянутые пластинки-стойки, достаточно хорошо известны в качестве деталей головного убора знатных скифянок, например в упомянутых уже курганах Чертомлык, Куль-Оба, Деевом кургане, а также в погребении 1 кургана 8 у совхоза Песочинский (В. Г. Бородулин, 1979, с. 306), в кургане 21 у с. Каменка (Л. С. Клочки, Ю. С. Гребенников, 1982, рис. 8), кургане 5 (1905 г.) у с. Аксютицы (В. А. Ильинская 1968, табл. XXII, 4). Ободки с подвесками, абсолютно аналогичными рыжановским, происходят из Деева кургана и кургана 21 у с. Каменка (IV в. до н.э.). В последнем случае они украшали верхнюю, наиболее широкую часть головного убора.

I. 5. Пластина (сплошная) с изображением пяти танцующих менад.

В настоящее время нам известны, помимо Рыжановки, 6 случаев, когда в женских погребениях встречены аппликации с изображением танцующих менад⁸: 1) курган Большая Близница, погребение 4 (1868 г.) (последние десятилетия IV в. до н.э.) (Отчёт, 1871, с. 12; М. И. Артамонов, 1966, с. 68; В. А. Рябова, 1979, с. 48, рис. 1, 1, С. С. Бессонова, 1983, с. 75, рис. 6, 4), 2) курган Гайманова Могила, гробница 4 (южная, впускная, 2-я половина IV в. до н.э.) (В. А. Рябова, 1979, рис. 1, 4; С. С. Бессонова, 1983, рис. 6, 1–2), 3) Деев курган (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch 1986, Kat. 135), 4) Денисова Могила (около 330–300 гг. до н.э.) (В. А. Рябова 1979, с. 50, с. 48, рис. 1, 5; Б. Н. Мозолевский, 1980, с. 133, рис. 68, 11), 5) курган № 6 (погребение 1) у с. Водославка (IV в. до н.э.) (А. И.

Кубышев 1985, с. 301–302; Dal Mille.., 1995, N 40), 6) курган 8 (погребение 1) у совхоза Песочинский (IV в. до н.э.) (В. Г. Бородулин 1979, с. 306; 1978, с. 42, альбом В, табл. XXVa, XXVПв, г.).

В первых пяти случаях — это бляшки, изображение которых обрезано по контуру. В последнем случае изображение менад, так же как и в БРК, расположено на целых необрезанных пластинах.

Характер изображений менад и их размеры позволяют говорить о том, что менады из БРК, Деева кургана, Денисовой могилы, кургана 6 у с. Водославка и кургана 8 Песочинского могильника (малые пластины) сделаны одним и тем же штампом. Помимо внешнего сходства, все названные изображения имеют одинаковые размеры, в частности высоту около 4,6 см. Несомненно, по оформлению наиболее близки пластинам из БРК малые пластины из кургана 8 Песочинского могильника. Менады из Большой Близницы и Гаймановой могилы являются изделиями иных мастеров. К слову сказать, о вероятности выполнения менад из Рыжановки и Деева кургана одним и тем же штампом писали в свое время М. И. Ростовцев и П. К. Степанов (1917, с. 63, 69–101), а позже — В. А. Рябова, справедливо присоединяя к ним изображения из Денисовой Могилы (1979, с. 47).

Аналогии практически всем деталям калафа из женского захоронения БРК, имеющиеся в Деевом кургане, позволяют вполне поддержать мнение о том, что указанные головные уборы были одинаковыми (М. И. Ростовцев, П. К. Степанов 1917, с. 69–101; В. А. Рябова 1979, с. 50; Т. В. Мирошина 1980, с. 41). Следует обратить внимание, что левый верхний угол пластины с танцующими менадами из Рыжановского погребения обрезан (вероятно первоначально на пластине было помещено 6 менад или три пары). Повидимому, этот факт может указывать на относительно продолжительное использование данной аппликации в качестве детали парадного головного убора.

II. Золотые украшения одежды

II. 1. Поясной набор. Состоит из ажурных блях, по форме приближающихся к крестовидным. Подобные аппликации редко встречаются в скифских комплексах и известны пока лишь в нескольких захоронениях знати, относящихся к последним десятилетиям IV в. до н.э. — в Александрополе, 8-ом Пятибратнем кургане, гробнице „а“ кургана Большая Близница, на что справедливо указал А. Ю. Алексеев (1987, с. 34, рис. 3, 11). Иными словами, эти украшения датируются сравнительно узким и поздним отрезком времени. Рыжановским бляшкам в определенной степени также близки аппликации, найденные в северной гробнице кургана Огуз, хотя они и отличаются в деталях (J. Boltrik, E. Fialko, 1991, Taf. 12).

II. 2. Нашивные бляшки-аппликации различных видов

а) Полусферические, имеющие в центре 5-лепестковую розетку, по краям украшенные псевдозернью;
б) круглые в виде 15-лепестковой розетки, по краю узкий кант; в) круглые, плоские в виде 10-лепестковой розетки; г) круглые плоские в виде 7-лепестковой

⁸ Бляшки с изображением танцующих менад встречены и в боковой могиле кургана Огуз (конец 3-й четверти IV в. до н.э.), но они весьма отличаются по внешнему виду от указанной серии (Ю. В. Болтрик 1981, с. 234). Дата кургана дана по: (О. Е. Фиалко 1993, с. 18).

розетки; д) мелкие круглые, слегка выпуклые с изображением 9-лепестковой розетки; е) круглые плоские, очень маленькие, имеющие в центре круг, окаймленный бортиком, по краю псевдозернь; ж) мелкие полусферической формы, со схематическим изображением креста в центре; з) бляшки треугольной формы, украшенные псевдозернью.

Бляшки с растительным орнаментом, различного рода розетки встречаются в скифских древностях на протяжении всего IV в. до н.э. (например, курганы Кара-Тюбе, Чертомлык, Огуз, Желтокаменка, Каменская Близница⁹ (Ю. В. Болтрик 1993, с. 192, рис. 6; А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, рис. 78; Ю. В. Болтрик 1981, с. 233; Б. Н. Мозолевский 1982, с. 210–211, рис. 31, 1, 14–15; А. В. Андросов, С. Е. Музопад 1987, с. 65, рис. 5, 11). Но увеличение их процентного соотношения (в пределах одного комплекса), характерно именно для наиболее поздних памятников скифской знати (А. Ю. Алексеев 1987, с. 39). Этому наблюдению А. Ю. Алексеева более чем соответствует ситуация в рыжановском впускном погребении. Здесь из 411 нашивных аппликаций 369 представлены бляшками в виде розеток, что в процентном соотношении составляет около 90%. Иными словами, аппликации в виде розеток являются здесь полностью доминирующими украшениями.

Что же касается треугольных бляшек, то последние бытуют на протяжении всего IV в. до н.э. и не являются основанием для „узких“ датировок.

III. Личные украшения

III. 1. Золотые серьги-подвески в виде лежащих крылатых львиц на постаментах, к которым снизу прикреплены полые украшения в виде шариков.

Прямых аналогий не имеют, но несомненно относятся к группе серег-подвесок в виде скульптурных фигурок мифических сфинксов на постаментах. Все они индивидуальны и происходят в основном из захоронений высшей скифской знати. Ныне известно 6 случаев находок подобных украшений. В трех из них золотые подвески весьма близки и различаются лишь в деталях. Они представляют собой искусно исполненные изображения мифического существа — крылатого льва с женской головой, сидящего на постаменте. Это пара серег из кургана 1 группы Три брата близ Керчи (2-я половина IV в. до н.э.) (Д. С. Кирилин 1968, с. 184, рис. 5) и по одному экземпляру из северной могилы кургана Огуз (Ю. В. Болтрик 1981, с. 233) и Феодосии¹⁰. Три другие находки менее ясны. Это серьги-подвески из женской (впускной) могилы Деева кургана в виде сидящего на постаменте сфинкса, имеющего львиное туловище с крыльями и человеческое лицо (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch 1986, Kat. 131–132) и весьма близкие ему, но более грубые и схематизированные экземпляры, выполненные из электра, происходящие из северо-восточной камеры кургана Чертомлык (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, кат. 116), а также

золотые серьги подвески в виде пантеры(?) сидящей на постаменте, обнаруженные недавно в кургане № 18 могильника Терновка-1 на Среднем Дону экспедицией Института археологии РАН под руководством В. И. Гуляева¹¹. Последние находки являются наиболее близкими аналогиями рыжановским серьгам-подвескам.

III. 2. Золотое ожерелье, составленное из орнаментированных пластин (бантиковидных и розеток), украшенных внизу амфоровидными подвесками. Также, как и серьги-подвески, прямых аналогий не имеют. Тем не менее, конструктивно рыжановскому ожерелью близка целая группа функционально подобных украшений, найденных в курганах высшей скифской знати или знати иных, местных племен Причерноморья. Это прежде всего ожерелье из женской могилы Деева кургана (О. Лесков 1974, с. 32, рис. 22). Как мы видим, женские погребения из Рыжановки и Деева кургана весьма близки по типу головного убора, украшениям. Более отдаленные аналоги происходят из женских захоронений Первого Мордвиновского кургана (340–320 гг. до н.э.) (О. Лесков 1974, с. 50, рис. 40), Верхнего Рогачика (350–300 гг. до н.э.) (О. Лесков, 1974, с. 42–43, рис. 33). В Поднепровье, кургана Карагодеуаш (конец IV в. до н.э.) в Прикубанье. (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, Kat. 254).

В целом же, ожерелья, состоящие из отдельных орнаментированных пластин, к которым снизу прикреплялись амфоровидные или желудевидные подвески известны в Северном Причерноморье и в более раннее время. Как примеры, можно привести украшения из могилы III (1868 г.) 2-й половины V в. до н.э., и могилы IV (1868 г.) 1-й половины V в. до н.э., некрополя в Нимфе (M. Vickers, 1979, pl. Xa, XIa–b).

III. 3. Бусы конические, полые, золотые, мелких размеров. Достаточно редко встречаются в скифских захоронениях, преимущественно в памятниках знати, последней четверти IV в. до н.э. Например, укажем на находки в гробнице 1 Мелитопольского кургана (А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, 1988, с. 89, рис. 95, 7) и погребении 3 кургана Хомина Могила (Б. Н. Мозолевский 1973, с. 231, рис. 37, 5, с. 233, рис. 38.).

III. 4. Браслет золотой в виде спирали в 3,5 оборота. По классификации В. Г. Петренко, относится к 7-му типу стержневых браслетов (браслеты, свернутые в виде спирали, концы которых обрезаны или округлены). В основном такие браслеты изготавливались из серебра, реже — бронзы и как исключение — железа. Встречаются в основном в памятниках IV в. до н.э. (В. Г. Петренко 1978, с. 54–55).

III. 5. Браслет серебряный в виде спирали в 5 оборотов с конусовидными окончаниями. По классификации В. Г. Петренко, принадлежит к 8-му типу стержневых браслетов (1978, с. 55). Наиболее близкие аналогии происходят из кургана 4 (погребение 1) у с. Мирное (В. Н. Погорелый 1981, с. 44–45, рис. 2, 1). и кургана 9 (погребение 1) у с. Песчаное (Ю. С. Гребенников 1987, с. 152–154, рис. 3, 2).

⁹ О дате кургана Каменская Близница см. далее.
¹⁰ Сведения об этой находке см.: (О. Е. Фіалко 1993, с. 13).

¹¹ Доклад В. И. Гуляева 4 ноября 1997 г. на конференции «Новые страницы древней истории Южной Украины» в г. Николаев.

Подобные украшения появились в V в. до н.э., но наибольшее распространение получили лишь с IV в. до н.э., преимущественно в степной полосе (В. Г. Петренко 1978, с. 55).

III. 6. Перстни золотые, вырезанные из тонкой металлической пластины, с гладким овальным (2 экз.) и круглым (1 экз.) щитками и заходящими друг за друга концами дужек (7–8 типы по классификации В. Г. Петренко) (1978, с. 61–62). Являлись одним из наиболее распространенных типов перстней в Скифии. Известны на протяжении всего позднескифского периода. Найдены в большинстве могил скифской знати, при этом главным образом — в женских захоронениях. В некоторых случаях такие перстни были надеты почти на все пальцы погребенных. Примеры: в кургане 22 (погребение 2) у совхоза Красный Перекоп их было 6, кургане 8 (погребение 1) у совхоза Песочинский — 8, камере 5 кургана Чертомлык, боковом женском погребении Деева кургана их было 9, боковой гробнице Толстой Могилы — 10 экз. (О. Лесков 1974, с. 50, рис. 40 с. 94; В. Г. Бородулин 1978, с. 39–40, табл. XXXa; Б. М. Мозолевский 1979, с. 110).

III. 7. Перстни золотые литые с резными изображениями (2 экз.)

а) с изображением идущего влево грифона. По сюжету изображения перстень относится к группе так называемых понтийских (О. Я. Неверов 1978). Наиболее близкой аналогией является перстень из Куль-Обы, на щитке которого изображен сидящий грифон (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, Kat. 246). К этой же серии бессспорно относятся и 3 перстня обнаруженные в камере 5 кургана Чертомлык (резные изображения утки, лежащей собаки, стоящего быка) (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 191, кат. 96–97, с. 219, кат. 163–165) и малом кургане близ Огуза (В. Г. Петренко 1978, табл. 52, 171) Н. А. Онайко полагала, что эти перстни боспорского производства (1970, с. 105, №477). В принципе все приведенные аналогии указывают на достаточно позднее их появление в среде скифских украшений — последняя четверть IV в. до н.э..

б) об аналогиях, приводимых А. Ю. Алексеевым изображению на втором перстне-печатке (лук, палица Геракла, меч, пересеченный Перуном(?)) речь шла ранее.

III. 8. Перстни, щитками которых служат золотые боспорские статеры (3 экз.). На аверсе — изображение левостороннего профиля бородатого сатира в плюшевом венке, на реверсе — львиноголовый (рогатый?) грифон с копьем в пасти, идущий по хлебному колосу влево, и надпись ПАН. Вопроса о датировке этих украшений мы уже касались. Напомним, что исходя из особенностей изображений на статерах, первые два, найденные в 1887 г., следует датировать 330–315 гг. до н.э. (Д. Б. Шелов 1956, с. 93, 95), третий, обнаруженный в 1995 г. — 314–294 гг. до н.э.. (В. А. Анохин, 1986, с. 140, 109, с. 141, №№ 115–116).

III. 9. Перстень с золотыми дужками, проходящими через щиток, выполненный из известняка. Такие украшения нечасты в скифских захоронениях. В. Г. Петренко называет их „перстни-печатки” (1978, с. 63). Обычно это перстни со скарабеями. Экземпляры, имеющие в виде вставки-щитка простой камень,

отмечены лишь в нескольких случаях. В Мордвиновском кургане (IV в. до н.э.) в качестве вставки использован „пестрый камень”, в одном из курганов в урочище Галушкино близ Пастьрского городища был найден также сходный перстень с серебряными дужками (В. Г. Петренко 1978, с. 63; табл. 52, 36).

IV. Предметы туалета. Зеркало бронзовое

Аналогичные греческие массивные, достаточно большого диаметра зеркала, выполненные в технике литья, украшенные внизу гравировкой, по классификации Т. М. Кузнецовой, относятся к зеркалам II класса, II отдела, 5 группы, I типа (сложносоставные зеркала с комбинированными ручками) (1987, с. 41–42).

В момент находки ручка у рыжановского зеркала отсутствовала. Возможно, первоначально она была бронзовой, а в последствии была заменена на деревянную, которая не сохранилась.

В древностях Северного Причерноморья такие зеркала известны по крайней мере с конца VI в. до н.э. (некрополь Ольвии, могила 78, 1902 г.), засвидетельствованы в V в. до н.э. (некрополь Нимфея, могила 1 в.) и весьма хорошо представлены в IV в. до н.э. (например, Куль-Оба; курган 2, погребение 2 у совхоза Красный Перекоп; боковое погребение Деева кургана) (В. М. Скуднова 1988, с. 64, кат. 78, 4; M. Vickers, 1979, pl III, p. 36; (B. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, Kat. 178; О. Лесков, 1974, с. 75, рис. 63; Ф. А. Браун, 1906, с. 172).

Зеркала, наиболее близкие рыжановскому, происходят из Куль-Обы и кургана 2 (погребение 2) у совхоза Красный Перекоп.

V. Орудия труда. Детали веретен

Два фрагмента костяного стержня веретена и глиняное пряслице, (впоследствии утраченное) обнаружены в боковом захоронении, нижняя часть веретена, выточенная из кости в виде фигуры, напоминающей шахматную пешку, найдена в центральной могиле БРК.

Бессспорно, подобные костяные веретена относятся к изделиям греческого производства. Близкие по форме сложнопрофилированные веретена достаточно обычны в богатых захоронениях Степной Скифии (Н. А. Гаврилюк 1987, с. 124–125; Е. Е. Фиалко 1987, с. 131). Прямых аналогий стержень веретена из боковой могилы БРК не имеет, но наиболее близкими ему являются экземпляры из погребения 3 кургана Хомина Могила¹² и камеры IV кургана Александровка (330–300 гг. до н.э.) (Б. Н. Мозолевский 1973, с. 231, рис. 37, 15; Е. Е. Фиалко, 1987, с. 132, рис. 1, 8, 10).

Что же касается нижней части второго веретена из центральной могилы, то она наиболее напоминает детали веретен из кургана Огуз, кургана 11 у г. Орджоникидзе и упомянутой выше Хоминой могилы (погребение 3) (Е. Е. Фиалко, 1987, с. 132, рис. 1, 1, 9–10).

¹² О дате кургана Хомина Могила см. далее.

VI. Посуда

VI. 1. Кубки серебряные круглодонные. Найдены в обеих могилах БРК. Относятся к категории культовых сосудов, достаточно широко встречающихся в захоронениях прежде всего скифской элиты¹³. В настоящее время известно примерно четырех десятка подобных сосудов¹⁴. Из них лишь 5 происходят с территории Приднепровской Лесостепи: 4 найдено в Днепровском Правобережье, 2 из них — в БРК. Весьма часто кубки сочетаются с серебряными киликами, составляя как бы небольшой сервиз для ритуальных действий. Аналогичная ситуация засвидетельствована и в могилах БРК.

Большая часть авторов считает, что серебряные кубки являются продукцией греческих мастеров, хотя форма их генетически восходит к местным лепным кубкам предскифского и раннескифского времени (X–VI вв. до н.э.), особенно хорошо представленным в лесостепном ареале (М. И. Ростовцев, 1914, с. 83; В. А. Ильинская 1968, с. 164; 1973, с. 13–15.). В определенной степени сходные кубки с IV в. до н.э. получили распространение и в среде фракийской знати (А. И. Мелюкова 1979, с. 188–189). Что же касается преемственности формы указанных сосудов от кубков предскифского и раннескифского времени, то, по-видимому, права А. И. Мелюкова, указывающая, что между бытованием первых и вторых существует значительный хронологический разрыв (1979, с. 188).

Таким образом вопрос о происхождении данной формы сосудов, известных в курганах скифской знати в IV в. до н.э., не является решенным.

Кубкам из БРК по форме наиболее близки серебряные сосуды из кургана у с. Будки (IV в. до н.э.) в Посулье, Изобильного, а также из кургана № 14 у с. Дуровка на Среднем Дону (В. А. Рябова 1986, с. 142, рис. 2,9–10; А. И. Пузикова, 1997, с. 218, рис. 6). По оформлению верхнего и нижнего участков поверхности или одного из них орнаментом в виде выпуклых лепестков с ними сходны многие кубки, найденные в основном в захоронениях скифской знати IV в. до н.э., например в Гаймановой Могиле, Куль-Обе, Чмыревой, Соболевой Могилах, а также упомянутом кургане у с. Дуровка (В. А. Рябова 1986, с. 141, рис. 12–8, 10–11, 13, с. 142, рис. 2,9–16; Косцownicy... 1996, кат. 28: 4).

Наиболее близкими аналогиями кубку из бокового погребения БРК являются два сосуда из кургана № 14 у с. Дуровка и кургана у с. Будки. Отличие их следующее: у рыжановского кубка центральная часть тулона в технике гравировки изображены сцены преследования животных, у сосуда из Дуровки — стоящие в спиральческой позе гиппокампы, а между ними — рыбы, у кубка из кургана у с. Будки — плетенка. Во всех трех случаях гравированные изображения исполнены.

Сцена терзания оленя на кубке из центральной могилы БРК весьма напоминает сюжет на одном из

серебряных кубков, покрытых позолотой, из кургана Куль-Оба (330–300 гг. до н.э.). Правда, противниками оленя на нем являются не мифологические орлино-головый и львиноголовый грифоны, а вполне реальные звери лев (он впился в круп оленя) и пантера (подбирается к горлу обреченного животного). Эта сцена близка рыжановской прежде всего абсолютно идентичной позой оленя (голова у него высоко поднята, левая передняя нога выброшена вперед, задняя левая — назад), а также расположением хищников относительно оленя (В. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, Kat. 193, 195).

Со второй сценой на кубке из центральной могилы БРК (нападение орлино-головых грифонов на быка) в определенной степени может быть сопоставлен еще один сюжет представленный на упомянутом кубке из Куль-Обы, а именно — терзание орлино-головыми грифонами дикого козла (В. Piotrowski, L. Galanina, N. Gratsch, 1986, кат. 194) эти кубки сближают также манера изображения животных.

Более отдаленной аналогией рыжановскому кубку из центральной могилы в сюжетном отношении является серебряный сосуд с позолотой из кургана Соболева Могила (конец IV в. до н.э.?). На нем изображены две сцены терзания копытных животных кошачьими хищниками — лошади двумя львами и козла — львом и пантерой (?) (Koscownicy... 1996, Kat. 28).

В целом же, на круглодонных кубках скифского времени, изготовленных из драгоценных металлов, до открытия Рыжановки не встречались изображения быка и львиноголового рогатого грифона.

VI. 2. Килик серебряный. Являясь продукцией греческих мастеров был почти неотъемлемой частью вещевого комплекса захоронений скифской знати II пол. — конца IV в. до н.э. Сосуды, вполне аналогичные килику из боковой могилы (как, впрочем, и из центрального погребения БРК), происходят, в частности, из таких известных памятников скифской элиты: Гайманова Могила, Куль-Оба, Мелитопольский курган, Чертомлык, Толстая, Соболева, Денисова Могилы и ряд других (В. И. Бідзіля 1971, с. 45–50, рис. 5; Б. М. Мозолевський 1979, с. 142–143, рис. 128; 1980, с. 119, рис. 54, 4; 1983, с. 56; А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский 1988, с. 80, рис. 83, 1, с. 101, рис. 110; А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 257–258, кат. 228; Koscownicy... 1996, Kat. 28: 2).

Заметим, что у килика из боковой могилы отсутствовала одна из ручек и ножка. Поверхности обоих сосудов (из бокового и центрального погребений) была достаточно потертая.

VI. 3. Ситула бронзовая. Сосуд из бокового погребения достаточно близок ситуле из центральной могилы БРК, поэтому, все сказанное о первом сосуде в равной степени относится ко второму. Ситула из бокового погребения имеет следы ремонта, вместо бронзовой ручки у нее железная, которая плохо сохранилась.

Ситулы встречаются в основном в захоронениях знати скифской поры, но значительно реже, чем упомянутые серебряные кубки, и особенно — килики. В степной части Северного Причерноморья фрагменты бронзовых ситул найдены в Чертомлыке, камера V, Огузе, северная могила, Мелитопольском кургане,

¹³ Библиографию по этому вопросу см.: (С. С. Бесенгина 1983, с. 103–104; В. А. Рябова 1986, с. 138).

¹⁴ По данным В. А. Рябовой, на середину 80-ых гг. было найдено 30 сосудов (1986, с. 140).

Башмачке (около 360/350–330/320 гг. до н.э.) (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 218, кат. 157; О. Е. Фіалко 1993, с. 12; О. Д. Ганіна 1970, с. 69, примечание 1). Серебряная ситула, весьма сходная по форме и размерам с рыжановской, обнаружена в кургане 9 (погребение 1) у с. Пески (середина — вторая половина IV в. до н.э.) в Побужье (Ю. С. Гребенников, 1987, с. 155, рис. 5,3).

В лесостепной зоне ситулы встречаются еще реже. Фрагменты одной из них происходят из кургана IV в. до н.э. у с. Тишки в Посулье (В. А. Ильинская 1968, с. 163, табл. LX, 1), 2 целых экземпляра входили в состав известного клада бронзовых сосудов найденного у с. Песчаное в террасовой Левобережной Лесостепи. Известно несколько случаев находок бронзовых ситул в богатых захоронениях второй половины — конца IV в. до н.э. Прикубанья — Курджипский курган, Карагодеушх, Большая Близница (Л.К.Галанина, 1980, с. 82, рис. 12; А. Лаппо-Данилевский, В. Мальберг, 1894, с. 45, рис. 13; Отчёт, 1871, с. 8).

Наиболее близкими аналогиями Рыжановским ситулам являются один из двух сосудов, найденных в Песчаном (отличается лишь более суженной нижней частью туловища и наличием под венчиком, помимо горельефа львиной головы, также головы Афины-Паллады в шлеме (датируется 1-ой четвертью V в. до н.э.) (О. Д. Ганіна 1970, с. 90) и сосуды, найденные на территории Болгарии, во фракийских памятниках — в кургане возле Злокучене (II половина IV в. до н.э.) (И. Венедиков, Т. Герасимов 1973, кат. 108) и Изгрееве (О. Д. Ганіна 1970, с. 69). Сосуд из Злокучене с одной стороны, также, как рыжановские ситулы украшен головой льва, с другой стороны — маской силена.

Ручки от двух сосудов с носиками-сливами в виде львиных голов найдены еще в двух пунктах Болгарии: Велинграде (IV в. до н.э.) и Славяне (И. Венедиков, Т. Герасимов 1973, кат. 111, с. 366).

Обычно ситулы, найденные в Причерноморье, рассматривали как составную часть греческих художественных бронз, импортируемых сюда, в том числе в Северное Причерноморье, в VI–IV вв. до н.э. (В. А. Ильинская 1968, с. 163). Что же касается бронз из Песчаного, то Н. А. Онайко, относя их к V в. до н.э., считала, что они изготовлены в Средиземноморье (1966, с. 63, №213).

О. Д. Ганина, издавшая коллекцию бронз из Песчаного, и специально исследовавшая вопрос о месте изготовления этих сосудов, в том числе ситул, привела многочисленные аналогии и убедительно доказала, что ситулы типа найденных в Песчаном, Рыжановке, и пр. относятся к числу художественных бронз V в. до н.э., изготовленных в одном из этрусских художественных центров Северной Италии (1970, с. 68–72). Действительно, наибольшая группа ситул происходит именно с территории Эtrurii и соседней с ней Умбрии. Большинство подобных сосудов хранится в музеях Италии — Флоренции, Тарквии, Рима, в том числе — в Ватикане (О. Д. Ганіна, 1970, с. 69–71).

VI. 4. Миски бронзовые из бокового и центрального погребений БРК отличаются лишь размерами (в первом случае — сосуд больших размеров, во втором — меньших). Оба сосуда имеют следы повреждений:

у таза из боковой могилы отсутствуют обе ручки, у миски из центральной могилы сохранилась одна ручка.

Такие сосуды, изготовленные из тонкой листовой золотистой бронзы, как правило с гравированным поясом под венчиком, довольно часто встречаются в погребальных памятниках Степи и Лесостепи V–IV вв. до н.э., являясь продукцией греческих мастеров.

Аналогии в погребениях V в. до н.э. на территории Лесостепи: Журовка, курган 403 (начало столетия), Бобрица курган 66 (начало столетия) (В. Г. Петренко, 1967, с. 139, табл. 15,1).

Аналогии в погребальных памятниках IV в. до н.э.: Бобрица, курган 63; Волковцы, курган 1 (1887 г.); Иванков, курган 6, погребение 1; совхоз Красный Перекоп курган 22, погребение 2; курган Чертомлык, камера V (В. Г. Петренко 1967, с. 139, табл. 15,5; В. А. Ильинская, 1968, табл. XXXVIII, 4; 1966, с. 153, рис. 1, с. 154; О. Лесков 1974, с. 86, рис. 74; А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 218, кат. 152).

VI. 5. Канфар чернолаковый из боковой могилы по форме весьма близок сосуду из центрального погребения, отличающимся от него лишь большими размерами. Оба канфара являются продукцией Аттики.

По материалам Афинской Агоры подобные сосуды датируются 350–325 гг. до н.э. (A. Sparkes, L. Talcott, 1970, fig. 700, 701, pl. 29, p. 122). Абсолютно аналогичные канфары найдены, например, в Елизаветовском могильнике на Нижнем Дону (И. Б. Брашинский, 1980, с. 133–134, 224, №№ 200–202), в некрополе Енисала в Северной Добрудже (330–310 гг. до н.э.) (V. Lungu 1993, p. 169, pl. IV, 14, 16, p. 181, pl. X, 14, 16, p. 182) и ряде других мест. Однако, следует отметить, что аналогичные канфары известны и в памятниках более позднего времени, в частности, 1-ой четверти III в. до н.э. (H. A. Thompson, 1934, p. 320, fig. 5).

Следы ремонта на канфаре из бокового погребения, потертысть поверхности и сколы, особенно в районе венчика у обоих сосудов, свидетельствуют в пользу продолжительного их использования.

VI. 6. Так называемая чернолаковая чашечка «солонка».

Подобным образом она интерпретирована Г. Осовским. Н. А. Онайко приняла такую трактовку, отметив, что это сосуд аттического производства 2-ой половины IV в. до н.э. (1970, с. 114, № 709).

Внимательное изучение изображения «солонки» (сам предмет, к сожалению, не сохранился) показало, что ею являлась обточенная сверху ножка аттического чернолакового канфара¹⁵, по времени синхронного упомянутым выше сосудам.

VI. 7. Флакон — лакримарий.

По мнению Н. А. Онайко, представляет собой «ранний вариант эллинистического флакона-лакримария» (1970, с. 61). Как полагают некоторые авторы, подобные сосуды характерны для конца IV — начала III вв. до н.э. Так, достаточно близкие по форме флаконы, относящиеся к указанному времени, найдены в кургане 4/1908 г. Елизаветовского могильника (И. Б. Брашинский, 1980, с. 139, 226, № 266), кургане XXXIV некрополя Истрии (Histria 1966, p. 186, 524, pl. 92).

¹⁵ Заключение В. И. Назарчука (ИА НАН Украины).

Тем не менее, весьма сходные формы сосудов бытуют в более позднее время, в частности — в 1-ой половине III в. до н.э. В этой связи большой интерес представляет флякон из склепа 52/1902 г. некрополя Ольвии (К. И. Зайцева 1962, с. 187, рис. 5) и особенно сероглиняный сосуд покрытый темным ангобом, найденный на полу эллинистического дома в Керкинитиде, в слое вместе с монетами 1-ой половины III в. до н.э., в том числе херсонесскими (В. А. Кутайсов 1987, с. 175, рис. 6, 4, с. 172)¹⁶.

Следует особо подчеркнуть, что ни в одном из достоверно датируемых IV в. до н.э. скифском погребении Северного Причерноморья подобные сосуды пока не засвидетельствованы.

VII. 8. Амфоры типа Солоха-1., найденные в боковом (1 экз.) и центральном (2 экз.) погребениях БРК, значительно различаясь между собой в деталях, относятся к группе пифоидных сосудов с грибовидными венчиками. По вопросу о центре производства таких сосудов, их хронология нет единого мнения. В последнее время высказаны соображения о возможном их производстве в различных центрах: на Родосе, Самосе, Наксосе, Паросе, в Великой Греции и Сицилии, на Книде, а возможно еще и на Икосе¹⁷.

На территории украинской Лесостепи, помимо БРК, известно 7 целых сосудов и ряд фрагментов амфор типа Солоха-1. Целые формы найдены: в кургане №4 у с. Новоселки, кургане 493 у с. Ильинцы-Паривка в Побужье, кургане 1, погребение 1 у с. Вышнopol'я¹⁸, междуречье Гнилого и Горного Тикича, на поселении у с. Лесовичи (2 экз.) и бывшем Каневском уезде в Поросье, кургане 2 у с. Старое в Террасовой Левобережной Лесостепи (А. Bydlowski 1904, с. 70,rys. 99; Л. К. Галанина 1977, с. 36, табл. 16,8; Е. В. Яковенко 1964, с. 199, рис. 1; 1965, с. 150; Ханенко 1999, табл. XXXV, 781; В. А. Ильинская 1966, с. 155, рис. 2, с. 156, 163, рис. 6).

По пропорциям амфоре из бокового погребения БРК наиболее близки сосуды, найденные на поселении у с. Лесовичи (Е. В. Яковенко 1964, с. 199, рис. 1), хотя последние имеют несколько большие размеры.

Амфоры с грибовидными венчиками датируются по-разному, в частности IV–III вв. до н.э., IV в. до н.э., I-й половиной — серединой IV в. до н.э., концом V — 3-й четвертью IV вв. до н.э., 2-ой — 3-ей четвертью IV в. до н.э. (Н. А. Лейпунская 1981, с. 67; Н. А. Онайко 1970, с. 12; И. Б. Брашинский 1965, с. 97; 1984, с. 124; С. В. Полин, А. И. Кубышев 1997, с. 43; С. Ю. Монахов, Е. Я. Рогов 1990, с. 140; С. Ю. Монахов, Э. Н. Абросимов 1993, с. 130).

Некоторые исследователи вполне допускают, что амфоры с грибовидными венчиками бытовали и в начале III в. до н.э. (А. Avram 1989, p. 251). Иными словами, указанные находки не дают узкой и конкретной даты,

¹⁶ Временем не ранее 1-ой половины III в. до н.э. характеризует флякон и Н. А. Лейпунская, ознакомившаяся с его изображением.

¹⁷ См. библиографию (С. Ю. Монахов, Е. Я. Рогов 1990, с. 140; С. Ю. Монахов, Э. Н. Абросимов 1993, с. 130).

¹⁸ Материалы из кургана 1 у с. Вышнopol'я (раскопки В. Ш. Григорьева) не опубликованы. Сообщение автора раскопок.

которую допускали некоторые авторы, рассматривая вопрос о времени бокового погребения БРК.

Б) ИНВЕНТАРЬ, СВЯЗЫВАЕМЫЙ С СОПРОВОЖДАЮЩИМ ЗАХОРОНЕНИЕМ ДЕВОЧКИ-СЛУЖАНКИ(?)

VII. 1. Браслет бронзовый из овальной в сечении проволоки с сужающимися концами, украшенными группой рубчиков.

По классификации В. Г. Петренко, данное украшение относится к группе проволочных спиральных браслетов. Как подчеркивает названный автор, браслеты этой формы появились в V в. до н.э., но наибольшее распространение получили с IV в. до н.э., преимущественно в степной полосе Северного Причерноморья (В. Г. Петренко 1978, с. 55).

В лесостепном Поднепровье известно несколько подобных браслетов: с. Пастырское, курган 447, погребение 2 (Л. К. Галанина 1977, с. 33, табл. 14,7) — по В. Г. Петренко V–III вв. до н.э. (1967, с. 94), по С. С. Бессоновой, I-я половина IV в. до н.э. (Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонова, С. А. Скорый 1989, с. 155), с. Сеньковка, курган 6 (2-я половина V–IV вв. до н.э.) (Є. Ф. Покровська 1965, с. 142, табл. II, 5-6, с. 143, 146), Старинская птицефабрика, курган 15 (IV в. до н.э.) (В. Г. Петренко, 1978, с. 13).

VII. 2. Шпилька (булавка) бронзовая

Относится к числу характерных украшений племен Лесостепи скифской поры. По классификации В. Г. Петренко, принадлежит к 5 типу 4 варианту булавок (булавки с большой плоской круглой шляпкой гладким стержнем, равномерно сужающимися к остому концу). По замечанию В. Г. Петренко, булавки этого варианта достаточно хорошо известны в различных регионах Лесостепи. Появляются они в VI в. до н.э. и бытуют до конца скифского периода (В. Г. Петренко 1978, с. 13).

Экземпляры с отверстием в шляпке (что имеет место у рыжановской булавки) встречаются крайне редко. Одна из булавок описанного варианта найдена на Люботинском городище, еще две булавки, но относящиеся к третьему варианту указанного типа происходят из района Канева и кургана у с. Сеньковка (V–VI вв. до н.э.) (В. Г. Петренко 1978, табл. 4, 26, 30; 5, 14).

VII. 3. Серьга бронзовая кольцевидная с пастовой бусиной

Относится к группе украшений, широко встречающихся в рядовых скифских захоронениях степной зоны, в частности, VI в. до н.э. Примеры: курган №13, погребение 2, у с. Львово на Херсонщине (1-я четверть VI в. до н.э.); курган 1, погребение 3 группы Лисьей Могилы близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине; курган 27, погребение 4 могильника Гайманово Поле у с. Балки Запорожской области (2-я половина VI в. до н.э.). (Г. Л. Евдокимов 1992, с. 140–141, рис. 4, 8; Б. Н. Мозолевский 1980, с. 119, рис. 55, 8–9, с. 122; А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Б. Н. Мозолевский, 1977, с. 184, рис. 37, 13, с. 186).

Известны подобные серьги, но значительно реже и в захоронениях скифской поры Террасовой Левобережной Лесостепи, например, в кургане 12 (погребение 1) у с. Старое (VI в. до н.э.); кургане 4 (по-

гребения 1,4) у с. Подолье Киевской области (Е. Е. Фиалко 1994, с. 36, рис. 13,4; с. 31, рис. 8, 4, с. 32, рис. 9,1).

VII. 4. Бусина стеклянная, биконической формы светло-зеленого цвета относится к категории украшения, которые плохо поддаются датировке.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ОСНОВНАЯ МОГИЛА (ПОГРЕБЕНИЕ 2)

А) ИНВЕНТАРЬ ЗАХОРОНЕНИЯ ГЛАВНОГО ПОКОЙНИКА

Большинство вещей погребального инвентаря из центральной могилы уже опубликовано (J. Chochrowski, V. Grigor'ev, J. Rydzewski, S. Skoryj, 1998), что избавляет меня от необходимости приводить их иллюстрации и описание в данной статье.

VIII. Личные украшения: гривна, золотая, шейная

По классификации В. Г. Петренко, относится к гривнам 2–3-го вариантов 2-го типа, IV-го отдела (гривны, сделанные из гладкого стержня, концы которого заходят друг за друга и оканчиваются литыми фигурками припавших хищников и группой рубчиков перед ними) (В. Г. Петренко 1978, с. 44–45). В основном, такие гривны изготавливались из золота (исключение: серебряные гривны из с. Ковалевка в Побужье и с. Владимировка в Поднепровье).

Ныне известно 8 гривен данного типа: 1) Капитановка (Златополь, Турия), курган 487, погребение 2, IV–III вв. до н.э., Лесостепное Правобережье (А. Бобринский 1910, с. 70; рис. 6; В. Г. Петренко 1967, с. 31, 153, табл. 22, 13; 1978, с. 120; табл. 32,5)¹⁹; 2) совхоз Красный Перекоп (с. Вольная Украина), курган 22, погребение 2, IV в. до н.э. (О. Лесков 1974, с. 80, рис. 68, с. 84, рис. 72); 3) Чертомлык, северо-западная камера, 340–320 гг. до н.э. (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991 с. 192, кат. 102); 4) Ковалевка, группа V, курган 2, погребение 1, IV в. до н.э. (Г. Т. Ковпаненко, Е. П. Бунятын 1978, с. 143, рис. 3,15; В. Г. Петренко 1978, табл. 32,2); 5) Владимировка, курган 12, погребение 2, IV в. до н.э. (Г. Т. Ковпаненко, Е. П. Бунятын 1978, с. 145); 6) курган Соболева Могила, южное погребение, конец IV в. до н.э.?, Нижнее Поднепровье (Б. М. Мозолевский, В. П. Білозір, В. А. Василенко 1993, с. 72; Б. Н. Мозолевский, В. П. Белозор 1996, с. 35); 7) 8-ой Пятибратний курган, 340–320 гг. до н.э., Нижний Дон (В. Г. Петренко 1978, с. 120, табл. 320,3); 8) Апанча, случайная находка, Крым (В. Г. Петренко 1978, с. 120, табл. 32, 1–1а).

Наиболее близкими рыжановской гривне являются 5 экземпляров, три из которых золотые (гривны из совхоза Красный Перекоп, Соболевой Могилы и Капитановки) и две серебряные (Ковалевка и Владимировка). Почти прямыми аналогиями рыжановской гривны являются гривны из совхоза Красный Перекоп и Капитановки.

¹⁹ В. Г. Петренко, вслед за А. А. Бобринским (А. Бобринский 1910, с. 70), ошибалась, указывая, что концы гривны из Капитановки украшены лошадиными головами (В. Г. Петренко 1967, с. 31).

IX. Вооружение

IX. 1. Меч железный, однолезвийный, с рукоятью обложенной золотым листом, в деревянных ножнах с серебряным наконечником.

В настоящее время, помимо находки из Рыжановки, известно 5 однолезвийных мечей с прямым клинком и рукоятью, покрытой тонким листом золота: 1) Капитановка, курган 487, погребение 2, IV–III вв. до н.э. (А. Бобринский 1910, с. 70; рис. 8; А. И. Мелюкова 1964, табл. 19, 11; В. Г. Петренко 1967, с. 143, табл. 33, 19); 2) Новониколаевка, случайная находка, IV в. до н.э. (А. И. Мелюкова 1964, табл. 19,8); 3) Чертомлык, юго-западная камера, северный воин (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 170–171, кат. 73); 4) курган Соболева Могила, южное (мужское) погребение, Нижнее Поднепровье (Б. М. Мозолевский, В. П. Білозір, В. А. Василенко 1993, с. 72; Б. Н. Мозолевский, В. П. Белозор 1996, с. 35); 5) Пески, курган 9, погребение 1, середина — вторая половина IV в. до н.э. (Ю. С. Гребенников 1987, с. 153–154, рис. 4,10).

Из перечисленных находок три являются прямыми аналогиями рыжановскому мечу: один экземпляр из Чертомлыка (по характеру изображений на рукояти и размерам), мечи из Соболевой Могилы (по характеру изображений на рукояти, размерам, наличию на ножнах серебряного наконечника) и кургана 9 у с. Пески (по характеру изображений на рукояти). Нельзя исключать, что золотые обкладки указанных мечей сделаны на одной матрице. Следует также отметить, что в Чертомлыке совершенно аналогичное оформление рукоятей было еще на четырех мечах, но с двулезвийным клинком (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурzin, Р. Ролле 1991, с. 222–223, кат 184–187).

IX. 2. Деревянный лук сигмовидной формы. Это оружие лишь несколько раз засвидетельствовано в скифских погребениях и в основном, в виде фрагментов (Е. В. Черненко 1981, с. 17–18) и поэтому, не является надежной основой для датировки.

IX. 3. Наконечник копья железный относится ко 2-му варианту 2-го типа II-го отдела наконечников копий, по классификации А. И. Мелюковой (наконечники с остролистным узким и длинным пером, без ребра) (1964, с. 40–42). Это достаточно поздний тип наконечников копий, который датируется IV или IV–III вв. до н.э. (А. И. Мелюкова 1964, с. 40–42).

IX. 4. Наконечники дротиков с двусторонним жаловидным окончанием широко встречаются в скифской паноплии, начиная в основном с IV в. до н.э. (А. И. Мелюкова 1964, с. 45).

IX. 5. Колчанные наборы

Из 266 бронзовых наконечников стрел, найденных в двух колчанах и горите, 231 (или 86%) составляют трехгранные экземпляры и 35 (или 14%) — трехло-

частные. Все наконечники со скрытой втулкой. Экземпляры первой группы относятся к двум позднейшим типам скифских наконечников стрел: наконечники с треугольной головкой и дуговидным вырезом в основании (отдел IV, тип 2, вариант 4, по классификации В. Г. Петренко) и наконечники с головкой упомянутой формы и ровным основанием (отдел IV, тип 2, вариант 2, по классификации В. Г. Петренко) (1967, с. 47, 175, табл. 35, 280, 290–297). Наконечники этих типов широко использовались в колчанных наборах IV–III вв. до н.э. (исходя, например, из датировок В. Г. Петренко).

Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и проточенным наполовину ее ложком (отдел IV, тип 1, вариант 4, по классификации В. Г. Петренко) (1967, с. 47, 175, табл. 35, 258) известны в памятниках скифского времени, и в Лесостепном Правобережье в частности, еще с начала V в. до н.э., но особое распространение этих наконечников приходится на более поздний период.

Таким образом, в колчанных наборах основного погребения целиком доминируют наконечники стрел, характерные исключительно для поздних комплексов.

X. Посуда

X. 1. Котлы бронзовые с яйцевидным туловом, полой усеченно-конической ножкой, вертикальными ручками, украшенными тремя выступами. Принадлежат к типу скифских котлов, преобладающих в памятниках Скифии V–IV вв. до н.э.

К этой группе Н. А. Боковенко относит, например, по одному из наборов котлов Солохи и Чертотыка, экземпляры из Толстой Могилы, Днепрорудного, кургана Паттиниоти и Капитановка (Н. А. Боковенко 1991, с. 261–262, рис. 33, 34). По классификации А. П. Манцевич, котлы из Рыжановки относятся ко 2-му типу литых котлов (1961, с. 150).

На котле меньших размеров имеются следы нескольких ремонтов.

X. 2. Поднос или блюдо деревянное с железными скобками.

Подобные сосуды особенно широко представлены в памятниках Степной Скифии IV в. до н.э. Как пример, находки в курганах Северо-Западного Приазовья (С. В. Полин, А. И. Кубышев 1997, с. 7, рис. 4, 4, с. 14–15, рис. 13, 16, с. 18, 20).

X. 3. Сосуд деревянный окружной формы небольших размеров, содержащий угольки.

Аналогичный Рыжановскому сосуд был найден в кургане 2 некрополя «Б» Бельского городища в бассейне р. Ворскла (1-я половина V в. до н.э.) (О. Б. Супруненко 1996, с. 110, рис. 23, 13, с. 112, 116).

Сосуды керамические импортного производства

X. 4. Блюдо чернолаковое. Относится к продукции Аттики. По материалам Афинской Агоры датируется 350–325 гг. до н.э. (A. Sparkes, L. Talcott 1970, fig. 8, 806, pp. 293–294, р. 128). Однако, подобные сосуды встречаются и в слоях более позднего времени, в част-

ности — 1-ой четверти III в. до н.э. (H. A. Thompson 1934, p. 317, fig. 3:A7).

X. 5. Амфоры с рюмковидными ножками принадлежат к категории керамической тары, дата которой обычно определяется концом IV в. до н.э.

Сосуды бронзовые импортного производства

X. 6. Лутерий (лекане). Относится к числу сосудов, весьма редко встречающихся в скифских погребениях. Так, один из лутериев был найден в Бердянском кургане (375–365 гг. до н.э.) (Н. Н. Чередниченко, Е. Е. Фиалко, Н. В. Ковалев и др. 1979, с. 420), другой — в Александриополе (Я. Лазаревский 1894, с. 34; Древности..., 1866, с. 14). К сожалению, форма его неясна («развалившийся бронзовый таз»).

Достаточно близок по внешнему виду Рыжановскому сосуду один из трех лутериев, входящих в состав бронзового сервиза из Песчаного. Дата последних определяется концом VI — 1-ой половиной V вв. до н.э. или 1-ой четвертью V в. до н.э. (О. Д. Ганіна 1970, с. 76).

Пожалуй, ближайшей аналогией Рыжановскому сосуду является лутерий из могилы Филиппа II в Вергине (3-я четверть IV в. до н.э.) (M. Andronikos 1984, p. 160, fig. 127).

Лутерий из БРК имеет следы повреждений: у него отсутствуют поддон и одна из ручек.

X. 7. Килик. В античных и скифских памятниках Северного Причерноморья прямых аналогий ему найти не удалось. В определенной степени близок Рыжановскому килику лишь сосуд из Гаймановой Могилы (2-я половина IV в. до н.э.)²⁰, однако он более прост по исполнению. Похоже, что сходные формы известны в памятниках Средиземноморья. Как пример, могила в Дервени (2-я половина — конец VI в. до н.э.) (Cl. Rolley 1983, ill. 288: Thessaloniki Muzeum, ill. 43).

X. 8. Ритон, имеющий роговую основу, украшенный золотыми и серебряными накладками и мундштуком с окончанием в виде головки льва.

Ритоны, мундштук которых украшен головкой льва, составляют в целом небольшую серию и не дают узкой даты. Одни из них, например, сосуды из кургана у с. Великая Знаменка и Братолюбского кургана, относятся к V в. до н.э. (Золото..., 1991, с. 318, кат. 120, с. 383; А. И. Кубышев, М. В. Ковалев 1994, с. 144), другие, например, ритоны из Толстой и Гаймановой Могил, датируются IV в. до н.э., преимущественно его 2-й половиной (Б. М. Мозолевский 1979, с. 142, рис. 127, 2, с. 143; В. И. Бідзіля, 1971, с. 44–56).

XI. Ножи железные с костяными накладками на ручке, имеющие трапециевидную в сечении форму, широко встречаются в скифских захоронениях с начала V в. до н.э. (В. Г. Петренко 1967, с. 26–28).

XII. Так называемая вилочка из бронзы

Нечастая находка в скифских курганах. На начало 90-х годов их было известно около 40 экз. Боль-

²⁰ Экспозиция МИД НМИУ. Скифский зал.

шинство из них происходит из погребений IV в. до н.э., хотя такие находки известны в широком хронологическом диапазоне — от рубежа V–IV вв. до н.э. до I в. до н.э. (О. Е. Фіалко 1993, с.12).

XIII. Крюки железные, округлые, с шишечками на концах для развертывания оружия, одежду и пр.

Данные предметы хорошо представлены в курганах Скифии, особенно в захоронениях знати различных рангов, относящихся преимущественно ко 2-ой половине — концу IV в. до н.э. Примеры находок: в Бердянском кургане, Чертомлыке, Мелитопольском кургане, 8-ом Пятибратнем кургане (Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фіалко, Н. Н. Чередниченко 1994, с. 143–144; А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, 1991, с. 61, 63; А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский 1988, с. 99, рис. 107, 10–11, 19, 21–24, с. 101; В. П. Шилов 1962, с. 64).

XIV. Женский парадный головной убор

Большинство золотых аппликаций, украшавших его имеет прямые или близкие аналогии в ряде курганов скифской знати.

XIV.1. Метопида (налобная лента). Наиболее сходные украшения обнаружены в трех курганах. Два из них (Татьянина Могила или курган 16 группы Чертомлык, середина IV в. до н.э., по датировке В. Ю. Мурзина, С. В. Полина и Р. Ролле, и курган 22, погребение 2 у совхоза «Красный Перекоп», IV в. до н.э.) содержали метопиды, украшенные в верхней части растительным орнаментом в виде розеток и пальметок, в нижней — полуовами. (В. Ю. Мурзин, С. В. Полін, Р. Ролле 1993, с. 95, рис. 9; Л. С. Ключко, В. Ю. Мурзін, Р. Ролле 1991, с. 59, рис. 2; О. Лесков 1974, с. 92–93).

В целом, эти украшения весьма близки рыжановской метопиде. Третья налобная лента была найдена в северо-западной камере Чертомлыка. В общем она близка по схеме рыжановской. В верхней части украшена цветками лотоса и побегами арацеи, в нижней — овами (А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле 1991, с. 174, 191, кат. 981).

Приведенные аналогии вполне распространяются и на ажурные пластины рыжановского головного убора, имеющие абсолютно идентичный декор с лентой-метопидой.

XIV.2. Бляшки ажурные прямоугольной формы с изображением зайцев, сидящих напротив друг друга.

Абсолютно аналогичные бляшки происходят из погребения кургана Шульговка (330–300 гг. до н.э.) (Н. А. Онайко 1970, с. 209, табл. XII, 498 ж). Не исключено, что рыжановские и шульговские аппликации изготовлены на одном штампе. В подобной же схеме «противостояния» — на что обратила внимание еще Н. А. Онайко (1970, с. 501) изображены лев и пантера, паук и муха на бляшках из погребения 1 Мелитопольского кургана (А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский 1988, рис. 98, 7, 11) и кургана 4 у с. Владимировка на Херсонщине (середина-3-я четверть

IV в. до н.э.) (С. В. Полин, А. И. Кубышев 1997, с. 31, 85, рис. 24, 11–14).

XIV.3. Аппликации в виде узких продолговатых пластин, к которым снизу прикреплены круглые «тулящие» подвески.

Подобных аппликаций, которые бы использовались в качестве деталей головного убора где-либо обнаружить не удалось, но применение упомянутых подвесок, как составных частей тех или иных украшений, известно, хотя и в небольшом количестве в скифских погребальных памятниках.

Примеры: 1) курган 2 группы Любимовские курганы на Херсонщине (IV в. до н.э.). В погребении девочки найдена круглая подвеска, в виде рельефного изображения богини Кибелы (?), украшенная внизу четырьмя желудеподобными, а по бокам — круглыми украшениями (О. Лесков 1974, с. 36). 2) курган 22, южная могила у совхоза «Красный Перекоп». Погребение женщины IV в. до н.э. Две серьги в виде золотых колец. К которым было прикреплено по 10 маленьких круглых подвесок. (О. Лесков 1974, с. 74). Подчеркнем, что среди вещей в этом погребении было найдено бронзовое блюдо, аналогичное найденному в боковой могиле БРК; 3) курган Каменская Близница на Днепропетровщине. Круглая подвеска найдена в комплексе с бляшками-розетками, имеющими прямые аналогии в боковом погребении БРК. (А. В. Андросов, С. В. Мухопад 1987, с. 61, рис. 3, 3, с. 65, рис. 5, 11).

В одной из публикаций исследователи памятника определили его дату рубежом IV–III вв. до н.э. (А. В. Андросов, С. В. Мухопад 1987, с. 73), в другой, совершенно справедливо, указали, что среди амфорного боя на тризне данного кургана найден фрагмент херсонесской амфоры с клеймом, дата которого (по В. И. Кацу) определяется 300–285 гг. до н.э. (А. В. Андросов, С. В. Мухопад, 1987а, с. 15)²¹.

XIV.4. Бляшки круглые в виде Медузы Горгоны с закрытым ртом (украшения покрывала).

Подобные бляшки, как детали декора одежды скифской знати встречаются нечасто. Нам достоверно известно лишь 5 случаев присутствия в комплексах бляшек в виде Медузы с закрытым ртом.

1. Курган Огуз. Медуза Горгона с длинными волосами, украшенными сельдереем и плющом (Н. А. Онайко 1970, с. 48, 207; табл. XL, 500б).

2. Курган Шульговка, впускное погребение. Медуза изображена с коротким венком на голове. (Н. А. Онайко 1970, табл. XL, 498в).

3. Деев курган, впускное женское погребение. Бляшки (100 экз.) (Отчёт 1900, с. 32, рис. 98).

Перечисленные аппликации в деталях отличаются от рыжановских.

Наиболее близкие аналогии рыжановским бляшкам обнаружены в двух курганах.

4. Курган Татьянина Могила (или курган 46, погребение 2, группа Чертомлык III (В. Ю. Мурзин, С. В. Полін, Р. Ролле 1993, с. 91, рис. 5, 13, с. 93)).

5. Курган Хомина Могила, гробница 3. Найденная здесь бляшка весьма сходна с рыжановскими (Б. Н. Мозолевский 1973, с. 231, рис. 37, 6, с. 233, рис. 38). Следует также отметить, что в этой могиле среди

²¹ См.: (В. И. Кац 1994, с. 76, табл. VII, 1–16,2).

находок есть маленькие золотые полушаровидные бляшки, близкие по форме обнаруженным в боковом погребении БРК (1973, с. 233, рис. 38).

В гробнице 2 Хоминой Могилы найдены железные детали конской узды (удила, псалии, плоский наносник), аналогичные происходящим из входной ямы центральной могилы БРК и херсонесская амфора с клеймом ΗΡΟΔΟΤΟΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ. В свое время Б. Н. Мозолевский датировал Хомину Могилу концом IV — началом III вв. до н.э. (1973, с. 229, рис. 35, с. 234).

Подчеркнем, что клеймо на херсонесской амфоре, найденной в гробнице 2, по классификации В. И. Каца, относится к 1-й группе херсонесских клейм (подгруппа В). Время этого клеймения определяется В. И. Кацем 300–285 гг. до н.э. (1994, с. 51, 76; табл. XXII–XXIII).

Таким образом, ныне Хомину Могилу достаточно определенно можно датировать 1-ой четвертью III века до н.э.

Б. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС КОННОГО ОХРАННИКА ИЗ ВХОДНОЙ ЯМЫ

XV.1. Наконечники стрел колчанного набора — 66 экз. Из них 57 экз. (или 86%) составляют трехгранные и лишь 9 (или 14%) — трехлопастные. Из трехгранных наконечников стрел — 56 экз. с треугольной головкой, скрытой втулкой, слабо подрезанными концами граней (отдел IV, тип 2, вариант 4, по классификации В. Г. Петренко). Такие наконечники датируются довольно широким хронологическим диапазоном — V–III вв. до н.э. (В. Г. Петренко 1967, с. 47). Один экземпляр из группы трехгранных относится к наконечникам, хорошо представленным в колчанных наборах основного погребения (с треугольной головкой и ду-

говидным вырезом в основании). По данным В. Г. Петренко, наконечники этого типа встречаются преимущественно в погребениях IV–III вв. до н.э. (1967, с. 47).

Трехлопастные наконечники относятся к двум основным типам. Семь экземпляров — наконечники с треугольной головкой, свисающими вниз острыми лопастями, скрытой или слегка выступающей втулкой (отдел IV, тип 2, вариант 4, по классификации В. Г. Петренко). Подобные наконечники характерны для позднего времени IV–III вв. до н.э. (В. Г. Петренко 1967, табл. 35, 88–92, с. 45). Два экземпляра — наконечники с треугольной головкой, проточенным примерно наполовину лопасти ложком и скрытой или слегка выступающей втулкой (отдел II, тип 3, вариант 5, по классификации В. Г. Петренко). Такие наконечники свойственны для комплексов V–IV вв. до н.э. (В. Г. Петренко 1967, с. 46).

Итак, в колчанном наборе охранника присутствуют наконечники стрел, характерные как исключительно для IV–III вв. до н.э. (8 экз.), так и наконечники известные в более широком хронологическом диапазоне, начиная с V в. до н.э., но бытующие и в более позднее время.

XV.2–4. Железные нож и шило с костяными ручками, а также перевязь из бус, зафиксированных на левой руке покойника, к сожалению, точных хронологических привязок не дают.

XV.5. Железные детали конской узды, обнаруженные рядом с костяком лошади (кольчатые удила, прямые двудырчатые псалии с восьмерковидными утолщениями в средней части, пластинчатый наносник и подпружная пряжка) имеют, как уже отмечалось, прямые аналогии в гробнице 2 кургана Хомина Могила и ряде иных погребальных памятников позднего периода скифской истории (О. Е. Фиалко 1996, с. 96–97, рис. 3, 6–12).

ЧЕРТЫ ОБРЯДА, ИМЕЮЩИЕ АНАЛОГИИ В СКИФСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ

Ряд черт обряда, зафиксированных в захоронениях БРК (в первую очередь в центральной могиле), имеет хорошие аналогии в скифских курганах, прежде всего степной зоны Северного Причерноморья, традиционно датирующихся IV в. до н.э.

Сказанное касается в первую очередь самого типа погребального сооружения обеих могил — в виде подземной катакомбы (В. С. Ольховский 1991, с. 151).

В погребальных памятниках скифов, особенно знать, встречается, хотя и не часто, такая архитектурная деталь, как вертикальный опорный столб (например, погребение 4 кургана 2 у с. Малая Лепетиха — столб, сложенный из камня; могила кургана 2 Заднобогдановской курганной группы у г. Орджоникидзе — очевидно, деревянный столб-подпорка) (ОАК, 1918, с. 137; Б. Н. Мозолевский 1973, с. 154; В. С. Ольховский 1991, с. 33).

В равной степени сказанное касается таких особенностей интерьера подземного погребального сооружения, как драпировка стен и потолка тканью (например, погребение 2 кургана 22 у совхоза

Красный Перекоп, кургана IV группы Беш-Оба, возможно, в погребении 2 кургана 4 группы Страшной Могилы) (О. Лесков 1974, с. 90; С. Г. Колтухов, В. Л. Мыщ, В. А. Колотухин 1997, с. 54; А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевский 1973, с. 142), выкладка пола могилы плетеными камышовыми циновками (например, 8-ой Пятибратний курган на Дону; погребение 1 кургана 1 у с. Владимировка в Северо-Западном Приазовье) (В. П. Шилов, 1961, с. 153–155; 1962, с. 64; С. В. Полин, А. И. Кубышев 1997, с. 24), использование специальных железных крюков для развесивания по стенам оружия и одежды (примеры таких памятников приводились ранее).

Обычай помещать в мужские погребения типично женские вещи (в центральной могиле БРК — это парадный женский убор и остатки веретена) также хорошо известен в скифских погребальных памятниках. Так, например, остатки двух женских головных уборов были найдены в основном, мужском погребении Бердянского кургана (Ю. В. Болтрик Е. Е.

Фиалко, Н. Н. Чередниченко 1994, с. 147–148; Л. С. Клочко 1995, с. 21–23), наборное костяное веретено обнаружено в дромосе основного погребения Соболевской Могилы (Б. М. Мозолевский, В. П. Білоzір, В. А. Васilenko, 1993, с. 72; Б. Н. Мозолевский, В. П. Белозор 1996, с. 35).

В последнее время в курганах Степной Скифии стали довольно хорошо известны сопровождающие захоронения взнужданных лошадей, помещенных во входные ямы катакомб (примеры: погребение 1 кургана 15 у с. Волчанск в Северо-Западном Приазовье; погребение кургана 9 группы 1 у с. Капуловка; кургана 29 группы Гайманово Поле; погребения 2 кургана 18 у с. Привольное; погребение 1 кургана 9 могильника Золотая Балка в Нижнем Поднепровье) (С. В. Полин, А. И. Кубышев 1997, с. 39).

Пожалуй, стоит отметить также вероятный случай покрытия напутственной мясной пищи, помещенной в бронзовый котел, тканью, отмеченный в кургане 487 у с. Капитановка (Турия, в бассейне р. Тясмин). Об этом факте говорится буквально следующее: «...большой бронзовый котел на ножке с двумя ушками знакомого скифского типа, в нем были кости коровы. Подле котла несколько остатков шерстяной материи» (А. Бобринский 1910, с. 72).

Итак, к каким же выводам о хронологической позиции БРК можно прийти, рассмотрев аналогии вещам, обнаруженных в боковой и центральной могилах?

Состав вещей найденных в БРК, в хронологическом отношении неоднороден. Их можно разделить на четыре группы.

1. Большая часть вещей бесспорно характерна для погребальных памятников IV в. до н.э., точнее 2-ой половины — конца этого столетия.

2. Небольшая группа предметов известна и в более раннее время, бытуя сравнительно продолжительный период (например, бронзовое литое зеркало, ситулы, таз, миска, лутерий, браслет, булавка-шипилька, серебряный спиралевидный браслет, некоторые типы наконечников стрел). Эти находки встречаются как в комплексах V в до н.э., так и в более позднее время.

3. Примерно в таком же количестве представлены вещи, известные в вещевых наборах как конца IV в. до н.э. так и 1-ой четверти III в. до н.э. Это золотые бляшки-аппликации в виде розеток и полые конические бусы из боковой могилы (анalogии 1-ой четверти III в. до н.э. — в кургане Каменская Близница; погребении 3 Хоминой Могилы), круглые «шумящие» подвески из центральной могилы (аналогии — в кур-

гане Каменская Близница), чернолаковые канфары и блюда, амфоры типа Солоха-1, а также железные детали конской узды из входной ямы центральной могилы (анalogии последним в погребении 2 кургана Хомина Могила 1-ой четверти III в. до н.э.).

4. Группа находок, находящая наиболее близкие аналогии в древностях III в. до н.э., малочисленна. К ним относятся фланкон-лакримарий (1-я половина III в. до н.э.), перстень, щитком которого служит золотой пантикопейский статер 314–294 гг. до н.э. из бокового погребения, золотые бляшки-аппликации в виде Медузы Горгоны с закрытым ртом из центральной могилы (ближайшая аналогия в гробнице 3 кургана Хомина Могила, 300–285 гг. до н.э.).

Принимая во внимание поздние даты последней группы находок, а также встречаемость вещей третьей группы как в памятниках конца IV, так и в древностях начала III в. до н.э., представляется методически верным определить время БРК на основании археологических реалий 1-ой четверти III в. до н.э. В пользу датирования БРК III в. до н.э. свидетельствуют также два немаловажных обстоятельства.

1. Большинство (а точнее почти все) импортные предметы из металла и керамики, обнаруженные в обеих могилах БРК, имеют следы потертостей, ремонта; у них отсутствуют те или иные части, что является, по-видимому, следствием их долговременного использования. К слову сказать, о том, что греческие импортные вещи, в том числе чернолаковая посуда, весьма ценились в варварской среде (а следовательно — к ним бережно относились) и могли попадать в скифские могилы после достаточно долгого их употребления, писал уже ряд авторов (см. например, И. Б. Брашинский 1965, с. 91; А. Ю. Алексеев 1987, с. 32; Н. О. Лейпунська 1989, с. 114).

2. В обеих могилах зафиксированы некоторые черты обряда, неизвестные достоверно в многочисленных могилах IV в. до н.э. Речь идет о «тайниках» на полу могил в виде бронзовых сосудов (в нашем случае — ситул), в которых в свою очередь были помещены церемониальные серебряные сосуды (в БРК это кубок и килик). В центральной могиле бронзовая ситула была перекрыта сверху чистой материковой глиной и дополнительно — травой. Вторая деталь обряда — помещение во входную яму центральной могилы лошади с отрубленной головой.

Что же касается иных черт обряда, о которых речь шла выше, то некоторые из них фиксируются в памятниках, датируемых достаточно поздним временем, и не могут противоречить предложенной нами датировке.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Список условных сокращений

- АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии

МАО — Московское археологическое общество

МАР — Материалы по археологии России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины

РА — Российская археология

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю.**
- 1984 *О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н.э. (по бляшкам-аппликациям и наконечникам стрел)*, „АСГЭ”, Т. 25, с. 64–75.
- 1987 *Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э.*, „СА”, № 3, с. 28–39.
- 1987а *Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры*, „АСГЭ”, Т. 28, с. 38–51.
- 1992 *Скифская хроника*, Санкт-Петербург.
- 1996 *Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н.э.)*, автореферат доктора исторических наук, Санкт-Петербург.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.**
- 1991 *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.)*, Киев.
- Андрюсов А.В., Мухопад С.Е.**
- 1987 *Скифский аристократический курган „Каменская Близница” [в:] Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*, Днепропетровск, с. 54–74.
- 1987а *Аристократический курган „Каменская Близница” [в:] Киммерийцы и скифы*, вып. 1, Кировоград, с. 14–16.
- M. Andronikos**
- 1984 *Vergina, Ateny.*
- Анохин В.А.**
- 1986 *Монетное дело Боспора*, Киев.
- Артамонов М.И.**
- 1966 *Сокровища скифских курганов*, Ленинград.
- Аврам А.**
- 1989 *Wo sind die Amphoren von typ „Solocha-1“ hergestellt worden?*, „Dacia”, т. XXXIII, 1–2, с. 247–252.
- Бессонова С.С.**
- 1983 *Религиозные представления скифов*, Киев.
- 1993 *Щодо одного скифо-еллінського культу IV ст. до н.е. [в:] Дослідження старожитності України. Тези доповідей наукової конференції музея Історичних коштовностей України*, Київ, с. 5–6.
- Бізділя В.І.**
- 1971 *Дослідження Гайманової Могили*, „Археологія”, № 1, с. 44–56.
- Бобринский А.**
- 1994 *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*, II, Санкт-Петербург.
- 1910 *Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г.*, „ИАК”, вып. 35, с. 61–85.
- Болтрик Ю.В.**
- 1981 *Исследования кургана Огуз*, „АО” 1980, с. 233–234.
- 1993 *Курган Кара-Тюбе [в:] Древности степного Причерноморья и Крыма*, вып. IV, Запорожье, с. 183–197.
- Boltrik J., Fialko E.
- 1991 *Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas*, „Hamburger Beiträge zur Archäologie”, т. 18, S. 107–129.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н.**
- 1994 *Бердянский курган*, „РА”, № 3, с. 140–156.
- Боковенко Н.А.**
- 1991 *Этюд о скифских котлах Северного Причерноморья [в:] Клейн Л.С., Археологическая типология*, Ленинград, с. 256–263.
- Бородулин В.Г.**
- 1978 *Отчет об археологических исследованиях Песочинского курганныго могильника и курганной группы*,
- расположенной в зоне сооружения Фрунзенской оросительной системы в 1978 г.
- 1979 *Исследование курганов скифского времени в Харьковской области*, „АО”, 1978, с. 306.
- Браун Ф.А.**
- 1906 *Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.*, „ИАК”, вып. 19, с. 81–116.
- Брашинский И.Б.**
- 1965 *Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья*, „Eirene”, т. 4, с. 89–110.
- 1980 *Греческий импорт на Нижнем Дону*, Ленинград.
- 1984 *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*, Ленинград.
- Bydlowski A.**
- 1904 *Mogily w Nowosiolce w pow. Lipowieckim gub. Kijowskiej*, „Swiatowit”, т. V, с. 59–80.
- Венедиков И., Герасимов Т.**
- 1973 *Тракийское искусство*, София.
- Vickers M.**
- 1979 *Scythian Treasures in Oxford, Ashmolean Museum*, Oxford.
- Гаврилюк Н.А.**
- 1987 *Прядение у степных скифов [в:] Скифы Северного Причерноморья*, Киев, с. 116–130.
- Галанина Л.К.**
- 1977 *Скифские древности Поднепровья*, „САИ”, вып. Д1-33, Москва.
- 1980 *Курджипский курган (памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э.)*, Ленинград.
- Ганіна О.Д.**
- 1970 *Античні бронзи з Піцаного*, Київ.
- Гребенников Ю.С.**
- 1987 *Курган скифской знати в Поингулье*, [в:] *Древнейшие скотоводы степей Юга Украины*, Киев, с. 148–158.
- Dal Mille...
- 1995 *Dal Mille al Milli. Tesori e popoli dal Mar Nero*, Electa.
- Древности,**
- 1899 *Древности*. Труды МАО, т. XIII, вып. 1, с. 63–71.
- Древности...**
- 1866 *Древности Геродотовой Скифии*, Вып. 1, Санкт-Петербург.
- Евдокимов Г.Л.**
- 1992 *Скифский курган у с. Львово на Херсонщине [в:] „Древности Степного Причерноморья и Крыма”*. Вып. 3, Запорожье, с. 136–148.
- Зайцева К.И.**
- 1962 *Местная керамика Ольвии эллинистического периода [в:] „Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство античного мира”*, т. VII. Ленинград, с. 184–206.
- Зограф А.Н.**
- 1951 *Античные монеты*, „МИА”, № 16.
- Золото...**
- 1991 *Золото Степу*. Археология Украины, Шлезвіг-Київ.
- Ильинская В.А.**
- 1966 *Скифские курганы около г. Борисполя*, „СА” № 3, с. 152–171.
- 1968 *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*, Киев.
- 1973 *О священной чаице у скифов [в:] Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов к научной конференции*, Ленинград, с. 13–15.

- Іллінська В. А., Тереножкін О. І.
 1971 *Скіфський період* [в:] *Археологія Української РСР*, т. 2, Київ, с. 8–100.
- 1983 *Скифия VII–IV вв. до н.э.*, Киев.
- Кац В. И.
 1994 *Керамические клейма Херсонеса Таврического*, Саратов.
- Кирилин Д. С.
 1968 *Трехбратные курганы в районе Тобичинского озера* [в:] *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*, Ленинград, с. 178–188.
- Клочко Л. С.
 1995 *Про один скіфський звичай* [в:] *Музейні читання. Тези доповідей наукової конференції музея історичних коштовностей України*, Київ, с. 21–23.
- Клочко Л. С., Гребенников Ю. С.
 1982 *Скифский калаф IV в. до н.э.* [в:] *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*, Киев, с. 86–96.
- Клочко Л. С., Мурzin В. Ю., Ролле Р.
 1993 *Головний убір з кургану Тетянини Могила*, „Археологія”, № 3, с. 58–62.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.
 1978 *Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области* [в:] *Курганы на Южном Буге*, Киев, с. 133–150.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.
 1979 *Памятники скіфской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*, Киев.
- Koczwonicy...
 1996 *Koczwonicy Ukrainy*, Katowice.
- Колтухов С. Г., Мыц В. Л., Колотухин В. А.
 1997 *Первые результаты археологических исследований курганныго некрополя Ак-Кая* [в:] *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции*, Севастополь, с. 51–57.
- Кубышев А. И.
 1985 *Скифский могильник у с. Водославка*, „АО”, 1983, с. 301–302.
- Кубышев А. И., Ковалев М. В.
 1994 *Скіфський Братомлюбівський курган V ст. до н.е. на Херсонщині*, „Археологія” № 1, с. 141–144.
- Кузнецова Т. М.
 1987 *Зеркала из скіфских памятников VII–III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение)* „СА” № 1, с. 35–47.
- Кутайсов В. А.
 1987 *Эллинистический дом Керкинитиды*, „СА”, № 1, с. 169–182.
- Лазаревский Я.
 1894 *Александрипольский курган. Могила скіфского царя*, „ЗРАО”, т. 7, с. 24–46.
- Лаппо-Данилевский А., Мальберг В.
 1894 *Древности Южной России. Курган Карагодеуаш*, „МАР”, № 13.
- Лейпунская Н. А.
 1981 *Керамическая тара из Ольвии*, Киев.
- Лейпунська Н. О.
 1989 *До питання про хронологію деяких античних матеріалів у скіфських пам'ятках*, „Археологія”, № 2, с. 107–115.
- Лесков О.
 1974 *Скарби курганів Херсонічини*, Київ.
- Либеров П. Д.
 1954 *Хронология памятников Поднепровья скіфского времени*, „ВССА”, Москва, с. 132–168.
- Lungu V.
 1993 *Pour une chronologie de la céramique Attique du Nord de la Dobroudja (IV–I siècles av. J. Chr.)*, „Pontica”, XXVI, р. 159–190.
- Манцевич А. П.
 1961 *Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа* [в:] „Исследования по археологии СССР”, Ленинград, с. 145–150.
- Мелюкова А. И.
 1964 *Вооружение скіфов*, САИ, вып. Д1-4, Москва.
- 1979 *Скифия и фракийский мир*, Москва.
- Mielczarek M.
 1986 *Gold Panticapaean coins set in rings found in the Great Ryzhanovka Barrow (Ukraine)*, „Archeologia”, p. 99–105.
- Minns E. H.
 1913 *Scythians and Greeks*, Cambridge.
- Мирошина Т. В.
 1980 *Скифские калафы*, „СА”, № 1, с. 30–46.
- Мозолевский Б. Н.
 1973 *Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине* [в:] *Скифские древности*, Киев, с. 187–234.
- 1979 *Товста Могила*, Київ.
- 1980 *Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.)* [в:] *Скифия и Кавказ*, Киев, с. 70–154.
- 1983 *Скіфський степ*, Київ.
- Мозолевский Б. М., Білозір В. П., Василенко В. А.
 1993 *Дослідження Соболевої Могили* [в:] *Археологічні дослідження в Україні 1991 р.*, Луцьк, с. 71–72.
- Мозолевский Б. Н., Белозор В. П.
 1996 *Новый погребальный памятник скіфской аристократии Соболева Могила* [в:] *Първи международен симпозиум Севтополис, Надгробните могили в Югоизточна Европа*, т. 2, В. Търново, с. 34–36.
- Монахов С. Ю., Рогов Е. Я.
 1990 *Амфоры некрополя Панское-1* [в:] *Античный мир и археология*, вып. 7, Саратов, с. 128–153.
- Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н.
 1993 *Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя* [в:] *Античный мир и археология*, вып. 9, Саратов, с. 118–159.
- Мурзін В. Ю., Полін С. В., Ролле Р.
 1993 *Скіфський курган „Тетянини Могила”*, „Археологія”, № 2, с. 85–101.
- Неверов О. Я.
 1978 *Античные перстни (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)* [в:] *Каталог временной выставки Государственного Эрмитажа*, Ленинград.
- Отчет
 1871 *Отчет императорской Археологической комиссии за 1869 год*, Санкт-Петербург.
- 1900 *Отчет императорской Археологической комиссии за 1898 год*, Санкт-Петербург.
- 1918 *Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 года*, Петроград.

- Ольховский В. С.**
- 1991 *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.)*, Москва.
- Онайко Н. А.**
- 1962 *Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (IV–II вв. до н.э.)*, „СА”, № 1, с. 66–83.
- 1966 *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э.*, „САИ”, вып. Д1–27, Москва.
- Ossowski G.**
- 1888 *Wielki Kurhan Ryzanowski wedlug badan dokonanych w latach, 1884 i 1887*, Kraków.
- 1888a *Materiały do paleoantropologii kurhanów ukraińskich I, „Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej”*, T. XII, s. 1–46, tabl. I–VIII.
- Петренко В. Г.**
- 1967 *Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э.*, „САИ”, вып. Д1–4, Москва.
- 1978 *Украшения Скифии VII–III вв. до н.э.*, „САИ”, вып. Д4–5, Москва.
- Piotrowski B., Galanina L., Gratsch N.**
- 1986 *Skythische Kunst. Altertumer der Skythischen Welt. Mitte des 7. bis zum 3. Jahrhundert v.u.Z.*, Leningrad.
- Шогорелый В. Н.**
- 1981 *Скифские курганы у с. Мирное под Борисполем [в:] Древности Среднего Поднепровья*, Киев, с. 39–48.
- Шокровська Є. Ф.**
- 1965 *Кургани біля с. Сеньківка*, „Археологія”, т. XVIII, с. 139–149.
- Шолин С. В., Кубышев А. И.**
- 1997 *Скифские курганы Умлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)*, Киев.
- Шузицова А. И.**
- 1997 *Уникальный комплекс из могильника скифского времени у с. Дуровка (Среднее Подонье)*, „РА”, 2, с. 211–221.
- Rolley Cl.**
- 1983 *Les bronzes grecs*, Paris.
- Ростовцев М. И.**
- 1914 *Воронежский серебряный сосуд*, „МАР”, 34, с. 79–93.
- 1925 *Скифия и Боспор*, Ленинград.
- Ростовцев М. И., Степанов П. К.**
- 1917 *Эллино-скифский головной убор*, „ИАК”, вып. 63, с. 69–101.
- Рябова В. А.**
- 1979 *Женское погребение из кургана Денисова Могила [в:] Памятники Древних Культур Северного Причерноморья*, Киев, с. 47–51.
- 1986 *Металлические кубки из скифских курганов [в:] Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*, Киев, с. 138–150.
- Самоквасов Д. Я.**
- 1908 *Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей*, Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда, Москва.
- Скорый С., Хохоровски Я.**
- 1997 *Совместные исследования украинских и польских археологов [в:] Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы международной конференции*, Николаев, с. 14–15.
- Скорый С., Хохоровски Я., Григорьев В.**
- 1996 *Начало раскопок Большого Рыжановского кургана [в:] Україна-Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Тези міжнародної конференції*, Мариуполь, с. 26–28.
- Скуднова В. М.**
- 1988 *Архаический некрополь Ольвии*, Ленинград.
- Sparkes A., Talcott L.**
- 1970 *The Athenian Agora XII. Black and Plain Pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C.*, Princeton, New Jersey.
- Спицын А. А.**
- 1918 *Курганы скифов-пахарей*, „ИАК”, вып. 65, с. 87–143.
- Супруненко О. Б.**
- 1996 *Розкопки Більського курганного некрополя „Б” [в:] Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*, Полтава, с. 88–120.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.**
- 1977 *Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968) [в:] Скифы и сарматы*, Киев, с. 152–199.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.**
- 1973 *Скифские курганы Никопольщины [в:] Скифские древности*, с. 113–186.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.**
- 1988 *Мелитопольский курган*, Киев.
- Thompson H. A.**
- 1934 *Two centuries of Hellenistic Pottery*, „Hesperia”, Т. III, р. 311–480.
- Фіалко О. є.**
- 1993 *Скіфський царський курган Огуз*, автореферат дисертації кандидата історичних наук, Київ.
- 1994 *Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи*, Киев.
- 1996 *Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками*, „Археологія”, № 4, с. 94–100.
- Ханенко Б. Н. и В. И.**
- 1899 *Древности Поднепровья*, вып. 2, Киев.
- Histria,**
- 1966 *Histria*, II, Bucuresti.
- Chochorowski J., Grigorev V., Rydzewski J., Skoryj S.**
- 1998 *Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego*, „MSROA”, т. 18, с. 77–92.
- Chochorowski J., Grigorev V., Skoryj S.,**
- 1996 *Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie*, „MSROA”, т. 17, с. 239–261.
- Chochorowski J., Skoryj S.**
- 1997 *Die Zentralbestattung des Gross-Hügel-grabes von Ryzhanovka im rechtsseitigen Teil der ukrainischen Waldsteppenzone [в:] The third international symposium of funeral archaeology „Funeral practices in Europe 13-th — 4-th centuries B.C.”*, Tulcea, S. 12–13.
- 1997a *The „collateral” (female) burial at the Great Ryzhanovka Barrow*, „Studies in ancient art and civilization”, № 8, p. 71–92.
- Чередниченко Н. Н., Фіалко Е. Е., Ковалев Н. Н. и др.**
- 1979 *Раскопки большого скифского кургана в Приазовье*, „АО”, 1978, с. 419.
- Черненко Е. В.**
- 1981 *Скифские лучники*, Киев.
- Шелев Д. Б.**
- 1956 *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.*, Москва.

Шилов В. П.

- 1961 *Раскопки Елизаветинского могильника в 1959 г., „СА”, № 1, с. 150–168.*
1962 *Золотой клад скифского кургана [в:] „Археологические раскопки на Дону”, Ростов-на-Дону, с. 52–69.*

Яковенко Е. В.

- 1964 *Античні амфори, знайдені на Київщині, „Археологія”, т. XVI, с. 199–201.*
1965 *Некрополь скифського часу біля м. Бориспіль, „Археологія”, т. XVIII, с. 150–160.*

Sergiej Skoryj

Podstawy archeologicznego datowania Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego

(streszczenie)

W trakcie badań wykopaliskowych Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego (G. Ossowski w 1887 roku i Ukraińsko-Polska Ekspedycja w latach 1995–96), zostały odkryte dwa nieobrabowane grobowce z pochówkami przedstawicieli skityjskiej elity. Są to: pochówek młodej kobiety, prawdopodobnie kapłanki (boczny grobowiec), i mężczyzny w wieku 45–50 lat, prawdopodobnie jednego z wodzów peryferyjnych prowincji Scytii (centralny grobowiec), złożone w towarzystwie intencjonalnie uśmierconych, społecznie zależnych osób oraz licznych, różnorodnych przedmiotów.

Kompletnie zachowany grobowiec skityjskiej artstokracji, jako zjawisko w praktyce unikatowe, posiada ogromne znaczenie w badaniach nad różnymi aspektami historii Scytów. Jest w związku z tym rzeczą oczywistą, że szczególną rolę odgrywa tu wiarygodne określenie absolutnego datowania tego zespołu.

Analiza porównawcza licznych greckich i skityjskich elementów wyposażenia grobowego z centralnego i bocznego grobowca, świadczy — z jednej strony — o niewątpliwej, chronologicznej bliskości obydwóch pochówków. Z drugiej strony widać, iż inwentarz każdego z grobowców jest chronologicznie niejednorodny i zawiera kilka grup znalezisk o różnym datowaniu.

Większa część przedmiotów jest charakterystyczna niewątpliwie dla skityjskich zespołów grobowych z IV w. p.n.e., a dokładniej dla drugiej połowy lub końca tego stulecia. Niewielka grupa znalezisk znana była też we wcześniejszych czasach. Są to elementy o stosunkowo długim okresie występowania, np. brązowe, lite zwierciadło, situle, miednica, miska i inne. Znaleziska te spotyka się tak w zespołach z V w. p.n.e., jak i w późniejszych czasach. W podobnej liczbie reprezentowane są przedmioty znane w inwentarzach skityjskich pochówków, tak z końca IV, jak i z 1 kwietnia III w. p.n.e. (np. złote blaszki — aplikacje w kształcie rozetek

i puste w środku, stożkowe paciorki, czarnopokostowane kantarysy i podobny półmisek, żelazne detale końskiej uzdy). W końcu, szczególne znaczenie posiada nieliczna grupa przedmiotów, znajdujących najbliższe analogie w znaleziskach z III w. p.n.e. Należy do nich: flakon-lakrimarium (1 połowa III w. p.n.e.), pierścień z oczkiem ze złotego statera Pantikapaionu datowanego na lata 314–294 p.n.e., z bocznego grobowca, złote blaszki-aplikacje w kształcie Meduzy-Gorgony z zamkniętymi ustami, z centralnego grobowca (najbliższa analogia z grobu 3 w kurhanie Chomina Mogila koło Dniepropetrowska datowanego na lata 300–285 p.n.e.). Biorąc pod uwagę późne daty ostatniej grupy znalezisk, a także ich występowanie w skityjskich zespołach tak z końca IV, jak i z początku III w. p.n.e., wydaje się być metodycznie właściwym, datowanie Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego na podstawie danych archeologicznych, na pierwsze kwartalne III w. p.n.e.

Za datowaniem Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego na III w. p.n.e. przemawiają także dwie, niemniej ważne okoliczności. Wielkość (a dokładnie prawie wszystkie) importy metalowe i ceramiczne (w tym pochodzące z IV w. p.n.e.), odkryte w obydwóch grobowcach, wykazują ślady wytarcia, napraw; brak im też różnych części, itp. Są to niewątpliwie ślady długotrwałego użytkowania. W obydwóch grobowcach zaobserwowano też kilka cech obrządku pogrzebowego, które z całą pewnością nie są znane z licznych przecież, skityjskich kurhanów w IV w. p.n.e. Chodzi tu o „skrytki” na klepisku komór grobowych, w postaci brązowych naczyn (w tym wypadku — situl), w których z kolei umieszczono ceremonialne, srebrne naczynia (kubek, kilks). W centralnym grobowcu situla była pokryta czystą, calcową gliną i dodatkowo — trawą. Inny, specyficzny detal obrządku, to złożenie w szybie wejściowej centralnego grobowca, konia z odrąbaną głową.

Sergiej Skoryj

Grundlagen der archäologischen Datierung des Großen Ryžanovka-Kurgans

(Zusammenfassung)

Während der grabungsmäßigen Erforschung des Großen Ryžanovka-Kurgans (G. Ossowski 1887 und die Ukrainisch-Polnische Expedition 1995–1996) wurden zwei nicht ausgeraubte Bestattungen der Vertreter der skythischen Elite

freigelegt. Es sind dies: die Bestattung einer jungen Frau, wahrscheinlich einer Priesterin (seitliche Bestattung) und die eines Mannes im Alter von 45–50 Jahren, wohl eines der Häuptlinge der peripheren Provinzen Skythiens (Zentral-

bestattung), die in Begleitung absichtlich getöteter, gesellschaftlich abhängiger Personen und mit unterschiedlichen Gegenständen als Beigabe beigesetzt wurden.

Gänzlich erhaltenes Grab der skythischen Aristokratie stellt eine einzigartige Erscheinung dar und ist von sehr großer Bedeutung für die Erforschung unterschiedlicher Aspekte der Skythen-Geschichte. Es ist in diesem Zusammenhang selbstverständlich, daß eine verlässliche Bestimmung der absoluten Datierung des fraglichen Grabkomplexes von erstrangiger Bedeutung ist.

Eine vergleichende Analyse zahlreicher griechischer und skythischer Elemente der Ausstattung aus der seitlichen und der zentralen Bestattung zeugt einerseits davon, daß die beiden Bestattungen zeitlich zweifellos sehr nahe standen. Andererseits wird es deutlich, daß das Inventar dieser Bestattungen chronologisch nicht einheitlich ist und mehrere unterschiedlich datierbare Fundgruppen enthält.

Die meisten Gegenstände sind zweifellos charakteristisch für die skythischen Grabkomplexe des 4. Jahrhunderts v.Chr., genauer gesagt, für die zweite Hälfte oder den Ausgang desselben. Eine spärliche Gruppe von Funden war auch in früherer Zeit bekannt. Hierzu gehören verhältnismäßig langlebige Formen, wie z.B. gegossener Bronzespiegel, Situlen, ein Becken, eine Schüssel und andere. Derartige Gegenstände sind sowohl in den Grabkomplexen des 5. Jh. v.Chr. als auch in solchen der späteren Zeit anzutreffen. In gleicher Anzahl liegen uns Gegenstände vor, die in den Inventaren der skythischen Bestattungen den Ausgang des 4. Jh. wie auch des ersten Viertels des 3. Jh. v.Chr. zum Vorschein kamen (z.B. Goldbleche — rosettenförmige und ausgehöhlte Applikationen, konische Perlen, Kantharoi mit schwarzem Firnis und gleichartige Halbschüssel, eiserne Pferdezaumelemente). Besondere Bedeutung kommt nicht zuletzt einer Gruppe von Gegenständen, die unter den Funden des 3. Jh. v.Chr. die

nächsten Parallelen finden. Hierzu gehören: ein Flakon-Lacrimarium (erste Hälfte des 3. Jh.), ein Ring mit Auge vom Goldstater des Pontikapaion, datiert in die Zeit von 314—294 v.Chr., aus der seitlichen Bestattung, Goldblechapplikationen in Form von Medusa-Gorgo mit geschlossenem Mund, aus der Zentralbestattung (die nächste Parallele stammt aus Grab 3 im Kurgan Chomina Mogila bei Dnepropetrovsk, datiert in die Zeit von 300—285 v.Chr.). Zeigt man die späten Zeitansätze für die letztere Fundgruppe wie auch ihr Vorhandensein in den skythischen Fundkomplexen vom Ende des 4. sowie vom Anfang des 3. Jh. v.Chr. in Betracht, so scheint es methodologisch angebracht zu sein, den Großen Ryžanovka-Kurgan anhand der archäologischen Belege in das erste Viertel des 3. Jh. v.Chr. zu datieren.

Für die Datierung des Großen Ryžanovka-Kurgans in das 3. Jh. v.Chr. sprechen auch zwei nicht minder wichtige Umstände. Die meisten (genauer gesagt fast alle) Metall- und Keramikimporte (darunter auch solche des 4. Jh. v.Chr.), die in den beiden Bestattungen zum Vorschein kamen, deuten auf die Benutzungs- und Ausbesserungsspuren hin und weisen gelegentlich auch Verluste auf. Es handelt sich dabei wohl um die Spuren einer langdauernden Benutzung. In den beiden Bestattungen wurden auch ein paar Merkmale der Grabsitte beobachtet, die mit aller Sicherheit nicht aus sonst zahlreichen skythischen Kurganen des 4. Jh. v.Chr. bekannt sind. Gemeint sind dabei die auf der Tenne von Grabkammern belegten „Verstecke“ in Form von Bronzegefäßen (in diesem Fall — Situlen), in denen wiederum zeremonielle Silbergefäße (wie Becher, Kylix) niedergelegt wurden. In der Zentralbestattung war eine Situla mit reinem, gewachsenem Ton mit Graszusatz bedeckt. Ein anderes Anzeichen für die mit der Grabsitte zusammenhängenden Handlungen liefert das in dem Eingangsschacht der Zentralbestattung niedergelegte Pferd mit abgetrenntem Kopf.